

Марианна Алферова

ПЕРСТ
СУДЬБЫ

Марианна Владимировна Алферова

Перст судьбы

Серия «Дети Великого Шторма (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68751846

М. В. Алферова. Перст судьбы: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2023

ISBN 978-5-17-152057-1

Аннотация

Когда-то эти земли принадлежали древней расе лурсов; умелые строители и изобретатели, они утратили свою власть под напором воинственных племен и ушли в дикие земли за вал короля Бруно. Им на смену поднялась могучая Империя Домирья, но и она распалась, уступив место торговым полисам и новым королевствам, оставив в наследство новым народам безупречные творения искусства и предания о всемогущей Судьбе, чье колесо вращается неостановимо, даруя удачи и поражения.

Теперь в новом жестком и равнодушном мире властвуют магики, способные подчинять простых смертных и создавать призрачные эскадроны воинов. Отныне нет нужды содержать огромные армии, достаточно обзавестись парой-тройкой всесильных магов – и твое королевство становится непобедимым.

Но надо помнить, что, лишившись помощи всемогущих магов, ты станешь легкой добычей алчных соседей. Магика даже нет

нужды убивать – есть способ лишить его Дара и превратить в беспомощное и несчастное существо. Но тот, кто всегда был дерзок и непокорен, кто спорил с авторитетами и считал себя лучшим магом королевства, не склонит голову даже перед Судьбой.

Содержание

Перст судьбы	6
Глава 1. Я и мой Дар	6
Глава 2. Ниен в осаде	23
Глава 3. Наследники Ниена	40
Глава 4. Элизера. Часть 1	48
Глава 5. Элизера. Часть 2	57
Глава 6. Великий Хранитель	70
Глава 7. Эдуард, Первый наследник	82
Глава 8. Тайный суд	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Марианна Алферова

Перст судьбы

© Марианна Алферова, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Перст судьбы

Глава 1. Я и мой Дар

Окно было открыто всю ночь, но проку от этого – чуть. Камень прогрелся за последние дни, замок казался огромной печью, в которой мы томились круглые сутки. Жаркая осень тут была ни при чем, светonosный диск никогда бы не смог прогреть толстенные стены – сам камень исторгал этот жар, и по ночам башни слегка светились красноватым зловещим светом на фоне звездного неба. Магия оставляла замок, и ни я, ни Крон ничего не могли с этим поделать. Недаром матушка выселила прислугу из деревянной людской, чтобы разместить там госпиталь. В случае штурма – место опасное, лакомое для огня, но, пока Игéroва армия стоит за Ведьминым гребнем и не пробилась через перевал, куда лучше лежать в деревянном бараке, нежели задыхаться в перегретом камне. Сон был редкий, как биение пульса растратившего силы магика. Казалось, что и вовсе сна никакого нет: закрываешь глаза – открываешь – видишь высокий черный свод с нарисованной кем-то белой стрелой. Боль в ноге возвращается к утру, течет расплавленным огнем по кости от середины бедра, от того места, куда впиалась заговорённая стрела, до самой ступни. Предвещает рассвет. Хорошо хоть никчем-

ные руки больше не болят – я их почти не чувствую. Я могу шевелить пальцами, и они кое на что способны – например, держать кружку или нож, и даже меч. А главное, пальцы могут держать перо и подписывать указы. Повысить налог, снизить подать, отдать треть винной пошлины на нужды коллегии оружейников. Как Второй наследник короны я имею право отдавать приказы главному казначею.

На последней тренировке Чер-Рис – слабый мечник, но большой хвостун – выбил клинок у меня из руки. Теперь в городе в таверне «Боров» он треплется по вечерам, что победил в поединке самого Кенрика Магика.

Боль в ноге пройдет часа через два – это чистая магия, а не болезнь. С каждым утром срок для муки убывает, как тень к середине лета – порча истаивает понемногу. Будь я по-прежнему в силе, сам бы свел ее минут за десять. Но тело само по себе сопротивляется и перебарывает порчу. Обычного человека такая черная магия свела бы в могилу, но у мага девять жизней, как у кошки. Так говорят. Крон предлагал свести порчу, но я отказался из чистого упрямства – хоть что-то у меня, в конце концов, должно было получиться.

* * *

Вчера, одевшись в старую куртку моего верного Френа, я вышел через Львиные ворота в город. Стража меня пропустила, хотя и с некоторым неудовольствием, пара мечников

даже увязались на манер охраны, но я поднял руку, и они отступили. Испугались, что в моих скрюченных пальцах осталась капля магии и я смогу навести порчу одним жестом. Я скривил губы в усмешке и, преодолевая боль, сжал пальцы в кулак, как будто сдерживая готовую сорваться с кончиков пальцев магическую силу. Мечники повернули назад. Я видел, как один из них сплюнул и сделал неприличный жест.

Каменные львы над воротами ухмылялись добродушными кошачьими мордами. За две сотни лет им наверняка надоело держать в лапах герб Ниена – разграфленный на четыре части щит с геральдическим зверинцем. По весне его всякий раз заново раскрашивали лазурью и киноварью, а зверей золотили. Но не в этот год, посему краски изрядно полиняли.

Я побродил по улицам, заглянул на базар. Цены по-прежнему росли, дешево можно было купить разве что дрянную рубаху да глиняную посуду – зато мука и сыр стоили дороже деликатесов из Гамы в довоенные времена. Если так дальше пойдет, то Черные ряды поднимутся на бунт, и тогда уже будет без разницы – прорвется армия Игера через Гадючий перевал на Ведьмином гребне или нет. С базара путь мой лежал в оружейные мастерские, поглядеть, как там идет работа, и не только поглядеть. Едва свернул, как пес-чел кинулся ко мне, рванул цепь так, что опрокинулся на спину, но и катаясь по земле, он скреб пальцами пыль и рычал. Накидывать собачью привязь на людей – дело в нашем мире обычное. Одни платят магикам ради забавы, другие держат в песьем ошей-

нике должников. Есть такие, что сажают собственных детей – в целях воспитания. Магия эта непрочная, ее легко сдернуть. В прежние времена я не раз помогал пленникам срываться с цепи – в основном просто потому, что терпеть не могу, когда магичат так подло. Одни люди-псы сбегали, другие тут же снова напяливали ошейники и продолжали играть песью роль без всякой магии, просто из страха перед господином, желая угодить и доказать, что по пути подчинения готовы пойти до собачьей будки. Матушка однажды в детстве пыталась посадить меня на поводок. Я сорвался, да еще создал стаю собак-мираклей и спускал их каждую ночь, пугая столичных жителей. Вражде нашей положил предел отец. Пригрозил отправить меня магичить на каменоломни все лето, разбивать камни для стройки, если я не перестану призывать собачьи своры на улицы. А матушке он строго запретил сажать меня на привязь. Тогда, еще в далеком детстве, я понял одно: чтобы добиться своего, надо иметь достаточно силы. Слабым никто не уступает. Слабых не принимают в расчет, их сажают на цепь, им достаются только обглоданные кости. Не дай я отпор, поводок стал бы частью моего детства.

Но Дар сам по себе еще не означал силу. Я положил себе цель: стать сильнее прочих. Перестал выпускать собак-мираклей на городские улицы, засел в библиотеку и часами изучал манускрипты первых магов, что прибыли в Ниен из Дивных земель. При этом я создавал свою копию и посылал миракля на реку плескаться в воде или гоняться за бабочка-

ми в поле. О моих занятиях в библиотеке знали двое – Марта и мой брат Лиам. Но они бы никогда не выдали меня.

Я поднял руку в призывающем жесте. Пес-чел тут же улегся на пузо, поджав «лапы», завертел задом, точь-в-точь пес, виляющий хвостом. Увы, руки мои теперь не пригодны даже на то, чтобы сдернуть собачью привязь. Так что я просто пожал плечами и двинулся дальше. Пес-чел взлаял отчаянно, рванулся, но цепь опрокинула его на спину.

За четыре месяца войны город оскудел, потускнел и как-то полинял. Вывески лавок и мастерских поблекли, многие окна были разбиты, стекла заменены дощечками, на мостовой стояли лужи из нечистот, в домах побогаче окна оставались закрытыми ставнями даже днем, краска шелушилась, напоминая перхоть. Серела в дрожащем от зноя воздухе паутина голых веревок, на которых прежде сушилось белье, тянулась через улицу, петляя от окна к окну. Городская клоака забилась еще в самом начале войны, Ниенский эдил не позаботился ее вычистить, так что нечистоты стекали прямо по мостовой, образуя в низинах коричневые лужи. Ни свиней, ни кур видно не было – если кто еще и держал живность, то в каменном сарае под замком.

Народу на улочках было почему-то много, все куда-то спешили, но как будто и без дела, искали что-то, не чая уже найти. Одежда даже у женщин замызганная, серая, у многих и лица грязны – мыло подорожало втрое против обычного и

стало редкостью.

На пустыре, где в прошлом году начали разбивать городской сад, но по весне позабыли обо всех планах, носились дети, играя в пехотинцев и всадников, колотили друг друга деревянными мечами. На самодельных щитах у каждого красовалась большая N. Каждый из них защищал свой город, никто не хотел биться за Игера.

Калека, обезноженный и без левой руки, собирал милостыню в глиняную кружку, сидя прямо на мостовой. Старая поддоспешная лорика, кожаные штаны, зашитые крупными стежками повыше колен. Подавали плохо. Заметив мою тень, нищий поднял голову. В глазах его не было ни боли, ни отчаяния, ни обиды. Они были как омут в яркий полдень. Так выглядит полная покорность Судьбе. Я бросил ему медяк и спешно прошел мимо. Мне вдруг представилось, что он окликнет меня и предложит сесть с ним рядом.

* * *

В мастерских оружейников делали стрелы и чинили побитые в схватках доспехи, новое оружие уже почти не ковали. Да и некому ныне являть мастерство: в городе остались только старики и мальчишки из младших подмастерьев. Все мужчины – в армии отца на Гадючем перевале. Чер-Лис среди оружейников – исключение. Ему король Эддар, мой отец, пожаловал охранную грамоту как личному коро-

левскому оружейнику. Бравый рыцарь на вывеске выгорел на солнце, и левая рука со щитом у него отвалилась. Окна и дверь в мастерскую были распахнуты настежь, но от этого внутри не стало прохладней. Чер-Лис узнал меня даже в чужих тряпках, спросил, есть ли какая надобность в его работе – сделает вне очереди. Я повертел перед его носом изувеченной рукой. «С этим можно что-то сделать?» Оружейник сокрушенно покачал головой. А потом позвал меня в свое тайное хранилище и здесь подобрал мне по руке легкий кинжал с тонким и острым лезвием. «Сталь тут такая, что ее даже удар топора не перешибет, а в плоть входит будто в масло, силы почти непотребно. Только не угоди в кость: застрянет – не вытащишь». Я повертел в руках опасную вещицу – золотая рукоять слажена в виде двухвостой змеи, голову украшают два крупных изумруда. Оружие скорее для женской руки, но мне теперь выбирать не приходится. «Гадюка, – отрекомендовал новый кинжал Чер-Лис, – хорошая вещь должна носить имя». Я щедро расплатился с Чер-Лисом за Гадюку и спросил, может ли он сделать примерно такой же меч – с клинком недлинным и легким. В пальцах у меня нет и половины прежней силы, а в запястьях – той свободы движения, когда меч становится продолжением руки. Но безоружным я оставаться не желал. Чер-Лис покивал, обещал подумать и что-то записал на вощенной табличке.

От оружейника пошел я в таверну «Боров». За жаркое, горбушку серого хлеба да кружку эля пришлось заплатить столько, сколько раньше отдавали за хорошую пирушку человек на десять. Хозяин смотрел подозрительно – откуда у простолюдина в полотняной куртке такие деньги, и мне пришлось поднять левую руку и продемонстрировать перстень с гербом Ниена. Он наконец-то узнал меня, понимающе прикрыл глаза и выложил на тарелку кусок мяса в два раза больше положенной порции. Занятно, что в дни бедствий принято подкармливать богачей, а не бедняков. Я указал на служанку, давая понять, что нужно все сгрузить на поднос да отнести вот в тот темный уголок, где я бы мог спокойно посидеть. Хозяин понял, ухмыльнулся, но переусердствовал – толстая деваха не только принесла все заказанное на подносе, но еще и попыталась усесться мне на колени, взгромоздившись как раз на больную ногу. Я зашипел от огненной вспышки в колене и столкнул ее довольно грубо. Она убежала в слезах – никогда не думал, что смогу довести до слез служанку из таверны. Хозяин потрусил следом выяснить, чем недоволен мессир. Я же с некоторым злорадством представил, как в задней комнате девчонка переругивается с хозяином и каждый из них винит другого в глупости. О том, что Кенрик Магик до сих пор страдает от раны, в городе навер-

няка ходят слухи, и сегодняшний случай породит новые пересуды.

Кенрик Магик! Я уже не Магик! Я – всего лишь Второй наследник, но с этой мыслью мне пока никак не сжитья.

Я достал купленный у Чер-Лиса кинжал и разрезал мясо на куски. Мастер не обманул – чудесная сталь резала мякоть будто полежавшее на солнце масло. Боевое оружие не для стола в таверне, но в моем мире теперь все изувечено. К тому же не терпелось проверить, так ли хорош кинжал, как расписывал оружейник.

«Не обошлось без магии», – констатировал я. Но разбираться, кто из магов подсобляет Чер-Лису и есть ли у магика патент, не стал. Если Ниен уцелеет, король пожалует оружейнику титул патриция. Лис сбросит унижительную приставку Чер со своего имени, как старый изношенный плащ.

После каждой войны во дворе замка разбивают гербы десятков патрицианских родов, и черные люди занимают места в Королевском Совете. Если подумать, то черные люди должны любить войну, а патриции – ненавидеть. Но вышло наоборот.

Патриции Ниена не клянутся королю магической клятвой. Король должен верить благородному слову патриция. А вот черные люди в шестнадцать лет приносят клятву верности, и магик ее скрепляет. Получается, что новые патриции связаны старой клятвой черноногих. По особой милости короля магик может снять старую клятву. Так было с Джера-

дом. Прежнее его имя – Чер-Дже. Его отец – первый человек в ратуше. Я лично снял с него клятву по приказу короля. Но будь моя воля, я бы не стал этого делать.

Тем временем в таверну ввалилась шумная ватага. Человек пять новобранцев – завтра их отправят на подмогу в королевский лагерь – и с ними двое поставленных на ноги раненых. Новобранцев подгонял Чер-Рис. Они уже были под хмельком и потому орали наперебой – мол, к зиме положат в землю всю Игерову рать. Не знаю, кто их приводил к присяге, я накладывать магический замок на клятву больше не могу. Джерад – слабый магик, его замки валяются после пары ударов меча. Те клятвы, что скреплял я, не сбить даже мессину Брину. Мечники на Изумрудной реке стояли насмерть, ни один не отступил без приказа, ни один не побежал. Интересно, может ли верность существовать сама по себе, без магии?

– Эх, если бы армией командовал король Грегор! – воскликнул Чер-Рис, – вот тогда мы бы победили. Давно надобно в атаку на Игера идти, а не отсиживать жопы в лагере у перевала.

– Это ты точно сказал! – поддакнул кто-то у стойки.

– Если бы Кенрик мог как прежде магичить! – вздохнул один из новобранцев, тощий малец лет шестнадцати, с огненно-рыжими вихрами. – Говорят, на Изумрудной реке Кенрик создал конную армию и обдурил самого Игера.

– Уж прямо армию! – фыркнул второй малец в старой, как видно, отцовской рубаше, которая была ему велика.

– Правда-правда. Сотни мираклей, и все конные рыцари в доспехах! Отец рассказывал! Он и сам поверил, что это какой-то засадный полк, особенно когда они принялись рубить Игерову пехоту. А потом конники растаяли в воздухе, и Джерад ударил на Игера с другого фланга, – продолжал рассказывать мой поклонник.

– Кенрик уже никто – он даже меч в руке удержать не может! – злорадно сообщил Чер-Рис и заржал.

Ему никто не стал вторить. Все молчали.

– А ты расскажи, – возвысил голос трактирщик (вернулся из задней комнаты весьма злой, а тут как раз Чер-Рис и подвернулся), – как Кенрик обрастил тебя всего шерстью, да еще крысиный хвост из штанов торчал.

Было такое, было – за то, что он подленько обошелся с Лиамом.

Мальчишки-новобранцы захихикали, Чер-Рис сделался красным как вареный рак.

– Да все это миракли, – пробормотал он и провел рукой сзади по штанам, проверяя, не рвется ли наружу сквозь синее сукно розовый голый хвост.

Да, вернуть бы мне мои руки – я бы устроил этому трусу веселье.

– Кенрик – неплохой мечник, – заметил один из парней, я узнал в нем раненого, которого выходила матушка. Копьем

ему пробили плечо насквозь, кость раздробило в осколки. Сколько сил отняла у матушки эта сращенная косточка на плече? Отец запрещал ей лечить всех подряд – только эквитов и сотников, да и то с опасными ранами, но матушка его как будто не слышала. Она вообще никого не слышала в эти последние месяцы.

– Ой, держите меня семеро, умру от смеха, – нарочито захрюкал Чер-Рис. – Да он и в прежние времена был боец плевый, а ныне вообще никакой.

– Хлеб не на что взять у булочника – вот дело, – отозвался мрачный парень, по виду, скорее всего, кузнец, сидевший за столом с кружкой эля еще до прихода ватаги. Правая щека его была сжевана в печеное яблоко свежим ожогом. – Мои голодают. А миракли магика мне без разницы, от мираклей заказов не прибавится. В первый день месяца выдали две серебрушки. Ну и где они? Где?

– Чер-Мак, в долг больше не наливаю! – крикнул ему хозяин.

– Во, видали! Меня больше не поят. – Мак сокрушенно вздохнул, запрокинул голову и вылил себе в горло остатки из кружки, как в воронку. – А вы тут про миракли, недоделы. Кто из вас кружку поставит кузнецу Маку? – Парень нарывался на драку.

Я терзал зубами сочное мясо, запивал элем и, кажется, презирал сам себя больше, нежели Черный Рис.

Драка вспыхнула, и я даже не понял, из-за чего. Но в сле-

дующий миг кузнец уже сцепился с Рисом, а мальчишки-новобранцы метелили какого-то парня, что собирался протиснуться к двери, но не успел. Не дожидаясь, пока хозяин кликнет стражу, я выскользнул на кухню, а оттуда наружу через заднюю дверь. Путь мой лежал к большой пекарне толстяка Чер-Наса. Уже начинало смеркаться, и подле торгующих лавок подмастерья втыкали в медные гнезда серные факелы. Я огляделся: по ночам в Ниене пошаливали грабители. Хотя на прошлой неделе пятерых повесили, я бы не поставил и медный грошик на то, что новая шайка не караулит запоздалых прохожих, идущих с базара. Ну что ж, проверим, так ли хорош кинжал, как обещал мне Чер-Лис.

* * *

Окна в пекарне были уже темны. Все, кроме одного. Я постучал условным стуком – пять коротких ударов, потом перерыв – и еще один. Стук этот означал, что за хлебом явился кто-то из замка. Свет в окошке как будто дрогнул – значит, Толстяк взял свечу и пошел к двери.

В деревянной филенке открылось окошечко, я откинул капюшон со лба.

– Ваша милость, поздноватенько явились за хлебом, все уж распродано. Вот разве что пара сдобных булочек... – Пекарь отворил дверь, и я вошел.

На старом почерневшем столе оплывала сальная свеча, и

подле коробилась заляпанная бумага с записями. Видимо, хлебник подсчитывал долги тех, кто набрал вперед без оплаты. Заказы пишут на воске стилем – их хранить долго нет надобности, разровнял воск, и пиши наутро вновь. Новый день – новые заказы, новый хлеб, лишь долги переживают полночь.

– Запасы муки есть?

Толстяк молчал, смотрел с подозрением. Думал, наверное: в нынешние дни верить никому нельзя, даже наследнику короны – может, там, в темноте, притаился отряд мечников. Ворвутся, выпотрошат подвалы, не найдут схрона, начнут жечь каленым железом или ногти рвать. Мука нынче в цене, и с каждым днем дорожает. Зверство легко в человека входит – только чуть приоткрой заслонку. И весь набор в придачу – когти, шерсть, яд на зубах и крысиный хвост из-под плаща. Не миракль, нет – истинное состояние души.

– Я один, – успокоил пекаря и приложил сжатый кулак правой руки к сердцу.

Есть магические жесты, способные истребить ложь. Если супротив тебя стоит даже самый малый магик, а ты солгал и приложил руку к сердцу – остановится сердце в тот же миг и падет человек замертво. Но мои слова больше не имеют силы, и клятва пуста – потому что мои кисти рук для магии мертвы. Так что это был просто жест, ритуал, призванный скрыть пустоту.

– Запас имеется небольшой. Я для армии норму сухарей

в этом месяце сдал, — уточнил хлебник поспешно.

— Заказ хочу сделать. — Я бросил на стол кошелек. — Здесь десять золотых. Сколько хороших хлебов можешь продать мне, но чтоб не по конской цене?

Он поскреб подбородок, прикидывая, стоит ли задирать цену. Я слышал, как участилось биение его сердца: желание накинуть сверху боролось со страхом — не явится ли завтра поутру за ним королевская стража. Стража была моим последним аргументом: город не в осаде, подвоз зерна имеется, на Изумрудной реке три мельницы мелют муку круглые сутки, так отчего каждодневно хлеб и масло дорожают, а мяса уже почти и не купить нигде? — эту загадку я разрешить не мог.

— Если по совести...

— Вот-вот, ее, родную, не позабудь.

Он оглядел меня, грязноватую куртку Френа, кожаный потертый пояс и золотую рукоять кинжала. На кинжале взгляд его задержался чуть дольше. И если цена на хлеб день ото дня росла, то на жизнь человеческую она стремительно падала. Весной еще не вешали за разбой — только за смертоубийство, а теперь на Старом мосту, что ни день, выставляют отрубленные головы. А вскоре (пророчить тут несложно) начнут убивать за слова.

— За такую цену тысячу хлебов испеку, — рассудил Толстяк и спешно отер вспотевший лоб.

— Радостно по совести поступать? — прищурился я.

– Да уж, конечно, ваша милость! – Он облегченно рассмеялся.

Судя по всему, цену завысил, но не заоблачно. В накладе не останется, ну да ладно!

– А сколько в день против обычного можешь испечь?

– Двести хлебов будет. – Он уже улыбался и подобострастно гнул спину, на круглых щеках играли ямочки, дело ладилось, золото не теряет цену, даже если жизнь продают за медяк.

– Тогда это плата на пять дней вперед. Двести хлебов в день на двести домов в Черных рядах. Каждый день – по двести домов. Пока всю тысячу не снабдишь. Никого не пропускать.

Я с удовольствием чеканил слова приказов, будто стал полноправным повелителем Ниена. Так я и был им, пока отец с Первым наследником Эдуардом стоят лагерем на перевале.

– Так драки начнутся.

– Пошли мальчишек хлеб разносить. И королевскую стражу позови, чтоб следили. Я выделю мечников.

– Пацанам платить надо.

– Грошик за день? Или ломоть хлеба? Не жадобись, добрые дела согревают сердце, что твоя печь.

Каждый день я думаю о ценах на хлеб как о ценах на жизнь, и с некоторых пор замечаю в золоте особую магию, не схожую ни с какой иной. Я собираю монеты и смотрю на них

часами. За аверсами и реверсами сияющего злата видятся мне чьи-то руки и лица, но не лица королей, чеканивших монету. Слышатся голоса. Иногда я различаю слова. Вот этой монетой заплатили за дом. А этой – за убийство. А за эту купили тело первой красавицы города. А этот золотой пошел в уплату за новый доспех. Я сам когда-то расплатился им за нагрудник, а теперь монета вернулась в казну. А потом снова – ко мне.

Глава 2. Ниен в осаде

Я улыбнулся, лежа в постели и вспоминая озадаченное лицо пекаря. Боль в ноге почти что прошла. Можно было вставать, но я ленился.

Мой выход в город состоялся вчера, а сегодня с утра хорошо бы послать Френа проверить, как разносят хлеб, и дать ему парочку стражников в сопровождение для солидности.

Прорезь окна в моей комнате на восток – и я видел, как бледнеет небо, из черного превращается в грязноватую синеву, на ее фоне обозначается неровный зигзаг Изумрудных холмов, поверх синего растекается желток будущего дня и наконец выкатывается само Жизнетворное Око.

Почти в тот же момент раздаются крики на стене, с лязганьем открываются Южные ворота, и во двор вкатываются телеги. Ржание лошадей, гомон, стоны. Судя по звукам, четыре повозки с ранеными. Значит, опять вечером был бой и люди Игера пытались прорваться. Слышу голос матушки – спрашивает, много ли тяжелых. То есть тех, кем придется заниматься ей самой.

– Семеро, – отвечает Чер-Ризор, его хриплый, как несмазанное тележное колесо, голос не спутать ни с каким другим.

Он возит раненых уже четвертый месяц, и меня, изувеченного, доставил в замок. Он – подпевала Джерада и, как Джерад, считает, что я изображаю больного, лишь бы не воз-

вращаться в лагерь на Гадючий перевал. Я стараюсь не встречаться с Ризором – ускользаю от встречи совсем по-детски, прячусь у себя в комнате, пока телеги не разгрузят и Черный Ризор, перекусив на кухне, не уедет назад в лагерь за новой порцией живой изувеченной плоти. Гала, слабенькая магичка, но при всем при том воображающая, что может тягаться с матушкой в умении исцелять, называет раненых «живым мясом». Я тоже – живое мясо и стараюсь к этой мысли привыкать.

Я поднимаю руки, безвольно лежащие поверх льняной простыни, и смотрю на них. Посреди ладоней – черные безобразные наросты, похожие на березовые грибы чаги. Они выросли там, где ладони были пробиты Перстами Судьбы. Нарост мешает сжимать рукоять меча. От «гриба» черная паутина расходится по сосудам – проклятие бессилия навсегда прочерчено к пальцам и запястью. От запястья нити тянутся еще на четыре пальца вверх, не доходя до середины предплечий. Здесь – граница магического замка. Ладони влажные и холодные, пальцы ломит, будто у старика, страдающего подагрой. А выше плоть жжет от избытка силы – огненные змейки сквозят от плеч вниз, прожигая дорожки вдоль костей и вспыхивая разрядами огненной боли на границе. Там, где магия навсегда была убита.

Я содрогаюсь, вспоминая тот момент, когда палач забивал гвоздь в мою левую руку.

Когда меня привязывали к деревянному пыточному крес-

лу, я был еще не лишен Дара – и тут же создал свою тень – миракля. Подручный палача, не видевший прежде такого дива, кинулся его ловить, споткнулся о жаровню и сам же обжегся о раскаленные щипцы. Мальчишка завыл в голос, а палач даже не обратил внимания на призрак. Снабженный зрением (но не слухом), миракль стоял в дальнем углу и смотрел на муки своего господина. Я видел со стороны, как Персты пробивают мои руки, как умирает магия в моих запястьях. С каждым мигот видение это тускло и рассеивалось – вместе с моим Даром и моим мираклем.

– Отныне у тебя нет Дара, – прохрипел палач, наклоняясь к самому моему лицу, пока я корчился от боли и смотрел на свои ладони, прибитые к окровавленной доске.

От палача пахло копченой колбасой с чесноком, элем и самодовольством. Он наслаждался своей работой. Увеча жертву, вспарывая плоть, лишая жизни, он чувствовал себя всемогущим – сильнее любого короля и даже самого императора Игера. Игер отдал ему часть своей власти и силы. Но вот в чем было особое положение палача – убивая, он не рисковал шкурой, как рискуют в сражении или поединке. Он был инструментом в руках своего повелителя и одновременно богом, умеющим лишь карать.

Я рванулся, готовый увечить ладони, лишь бы сорваться с забитых Перстов – но их шляпки были слишком велики и прижимали руки к доске не хуже тисков. Вцепиться зубами! Но и это палач предвидел, а потому привязал меня к крес-

лу так, что ремень охватывал грудь, пройдя под мышками. Я мог лишь биться в отчаянии, как пес-чел на привязи. Я и рвался, понимая, что все бесполезно, но ярость не давала мне уняться и принять смерть Дара.

Это был древний обряд Домирья: рабов так же прибавляли к деревянному брусу за две руки и оставляли на час. Потом Персты-гвозди вынимали, смазывали раны заговоренным маслом – и вот верный, послушный работник готов к службе господину до смертного часа. Такой раб никогда не убегал, даже не пробовал. Всегда беспрекословно выполнял любые приказы, трудился не ропща. Но при этом никогда не усердствовал, ничего не изобретал, не придумывал, не проявлял смелости или догадливости. Прошедший обряд мог раздувать мехи в кузне, но не мог ковать оружие или утварь. Мог штукатурить стены, но не сумел бы создать фреску, даже если был раньше талантлив. Потому тех рабов, кому поручали работу сложную, требующую искусства или смекалки, никогда не гвоздили.

О Перстах Судьбы ходит множество слухов. Одни говорят, что можно любой металлический гвоздь с помощью магии обратить в такой Перст. Другие говорят, что Перст – это обломок спицы из Колеса Судьбы. Выглядят они как большие гвозди, но магик легко различит бледное сияние вокруг черного металла. Крон держит Персты в Доме Хранителей. В Ниене их всего четыре. А вот в Империи Игера – сотни.

Неведомо, почему я не утратил Дар. Крон, осматривая мои изувеченные руки, сказал, что никогда прежде о таком не слышал. Я не потерял ни энергии, ни чувств, ни сообразительности, ни магического зрения, Дар магика остался со мной – но я не мог его применить. Крон испробовал все заклятия, какие знал, вживлял в мертвые запястья золотые магические нити – ничто не помогало. Я был как художник, который видит удивительные картины, но, взяв в руки грифель, не может сделать ни одного штриха на отбеленной гипсом доске.

* * *

Магики бывают разные. Одни могут сделать человека марионеткой, другие – промышляют черной магией, а высшая каста – это те, кто умеет создавать миракли. Чем выше уровень магика, тем больше концентрических кругов на знаках, что носит он на своем плаще. Три круга – знак не самой большой силы. Семь кругов носят на одеяниях магики, создатели мираклей, способных наносить удары, драться и убивать. Ниену не было нужды держать сотни мечников. Наши боевые маги отправляли в бой призрачные непобедимые армии. Прежде я обладал силой седьмого круга. Созданная мной конница разбила отряд Игера на Изумрудной реке. Это было совсем недавно. Два года назад во время предпоследней войны.

Но даже после этой победы на плаще моем значилось всего три круга. Причиной тому – моя всегдашняя строптивость. Теперь я не ношу отличий магика. Первый круг дается тем, кто умеет зажигать магические огни. Но даже это мне теперь не по силам.

* * *

Я сжимаю кулаки так, что в черных наростах начинает пульсировать боль. Шепчу заклинания – все подряд, какие только сумел отыскать в старых книгах, – но без толку. Перст Судьбы не обманешь: коли ладони пробиты, отныне ты – только живое мясо.

Обессиленный, опускаю руки на простынь. Дверь скрипит, открываясь. Это Марта приносит кружку с холодным мятным чаем. Сколько я ее помню, она всё такая же – пышнотелая, румяная, в белом накрахмаленном чепце, и руки у нее шершавые от работы и жаркие, как ее печка. Она ставит кружку на столик рядом с кроватью.

– Раненых привезли, – сообщает она.

– Знаю.

Я слегка повожу подбородком в сторону окна. Мол, крики и стоны слышал, не глухой. Как у всякого магика, чувства у меня всегда обострены – этого Персты отнять не сумели.

– Пей чай и вставай, – говорит Марта с наигранной суровостью, будто непослушному ребенку, который извел ее сво-

ими капризами. — Дел не в проворот.

Это она меня так подбадривает. Все делают вид, что я по-прежнему незаменим в замке. Хотя толку от меня как от старого кота, который мышей уже не ловит, и только его запах пугает грызунов. Да, магическую опасность я разгляжу — а толку-то?

— Нога болит. — Я вздыхаю, немного притворно.

Это каждодневный наш ритуал с того дня, как меня, изувеченного, привезли в замок с Гадючьего перевала. В тот день я не вздыхал, а выл в голос. Матушка извлекла наконец-таки стрел и закрыла раны, но боль осталась, будто запертая в клетке злобная тварь.

— Рана давно зажила, — рассерженно фыркает Марта.

— А магический ожог остался.

— Найди противоядие.

— А как я его применю? — Я демонстративно поднимаю изувеченные ладони и медленно делаю первый магический пас.

Когда-то Марта безумно боялась этого жеста — боялась, что я, еще не обученный премудростям древнего искусства, ненароком наведу порчу и лишу кухарку ее дара. На самом деле первый пас — всего лишь призыв природных сил. Прежде я сразу же ощущал покалывание в кончиках пальцев, энергия струилась, протекая по венам, и во рту появлялся металлический вкус — волшебный знак грядущего Свершения. Потом Марта поняла, что в этом жесте нет опасно-

сти, и уже пугалась для виду. Это была своего рода игра – мне нравился ее притворный испуг, смешанный с лукавой улыбкой. Сейчас она знает, что силы в этом жесте нет никакой, но по привычке изображает испуг.

– У меня отняли руки.

– Думай. – Она кладет шершавую ладонь мне на лоб, ободряя и одновременно проверяя, нет ли у меня жара.

Я понимаю ее уловку и прощаю прежний жалкий подыгрыш. Тоже пытаюсь улыбнуться. Наверное, усмешка моя больше похоже на гримасу боли, на оскал несчастного пса, которому перебили хребет, но он все равно скалит зубы и пытается укусить.

– Думай, головы у тебя никто отнять не мог.

Марта права. Дар магика не умер – он до сих пор бродит в венах, заставляя кровь кипеть. Ведь магия не в руках, а в голове – как утверждает мудрый Крон. Но без рук магик сделать более ничего не может.

* * *

Она уходит. Я пью чай и думаю, как советует Марта. Но голову у меня тоже почитай украли. Искать ответы? Как? Если раз за разом я перечисляю свои несчастья – и больше ни на что не способен. Ведь я лишился не только Дара, но и возможности сражаться как обычный мечник. Отныне я могу только обозревать с холма поле боя, сидя на коне в окруже-

нии личной охраны. Именно так я и сидел, как кукла, обряженный в блестящие доспехи, в алом плаще и в блестящем шлеме с плюмажем, когда отряд Игеровых гвардейцев прорвал оборону и устремился вверх по холму. Обладай я Даром, я бы создал два десятка мираклей и пустил их вперед, чтобы смешать ряды конных, опрокинуть и снести с холма.

Без Дара я оказался беспомощен, и защищать меня кинулись восемь человек охраны. Они обнажили клинки, я тоже зачем-то это сделал. Мои пальцы едва удерживали рукоять тяжелого меча. В низине кипела битва, Джерад все же сумел запечатать магическим ударом прорыв, и наши мечники добивали Игеровых ополченцев. Чер-Ризор заметил стремящихся вверх по холму гвардейцев и бросил мне на подмогу своих копейщиков. Но не успел.

Две стрелы сбили наземь охранников, третья, заговорённая, впилась мне в бедро.

Раненый, я едва не слетел на землю, корчась от боли и натягивая повод слишком сильно. Мой Красавчик встал на дыбы. Это спасло меня от второй стрелы, что метила в лицо. Стрела ударила Красавчику в шею, он заржал от боли и начал крутиться на месте, и я никак не мог с ним сладить. Где-то рядом бились Джерад и остальные, я слышал их голоса, но конь вертелся юлой, и я никак не мог его направить к своим. А потом еще одна стрела угодила мне в ту же ногу. Только тогда копейщики Ризора окружили меня и, я, теряя сознание, стёк на истоптанную копытами землю.

Не знаю, что примешивает Марта к своему чаю, но острая боль в ноге постепенно притупляется, хотя нога по-прежнему ноет, как будто невидимая рука натягивает нитки где-то внутри, но это уже можно переносить. Я встаю. Голым шлепаю в туалетную – узкую комнату без окон. Лишь занавеска из полупрозрачной ткани дает возможность различать стены. Дергаю за рычаг – из медного крана на меня обрушивается поток теплой воды. Влага копится в баках на крышах, и многие комнаты оборудованы таким искусственным дождем. Это придумки Механического Мастера, что двадцать лет назад прибыл в Ниен и с тех пор создал много презабавных штук, лишенных магии: часы над большим камином, искусственный дождь в туалетных, а еще особые замки, которые открываются не ключами, а поворотом медных дисков. Мастер все еще творит в Парящей башне, он смастерил мне кресло, в котором я катался по коридорам второго этажа или по двору, пока нога не зажила.

Я обтираюсь большим льняным полотенцем, потом выхожу на свет, достаю из туалетного столика бритву, тазик. Взбиваю мыльную пену и начинаю бритье. Это своего рода истязание – руки все еще плохо слушаются, и во время процедуры я непременно порежусь раз пять или шесть. В итоге хотя мое лицо и приобретает приятную гладкость, но созда-

ется впечатление, что утро я начал со сражения с Бандитом – дерзким и драчливым котом Марты, уже лет десять живущим при кухне в нашем замке. Я даже не пытаюсь заклеить ранки, так что капельки крови стекают щекоча кожу.

Закончив с туалетом, облачаюсь во все самое легкое – по такой жаре маяться в доспехах нет никакой охоты: льняная рубашка и свободные брюки. Из защиты – длинная куртка из заговорённой змеиной кожи. Шлем беру за нащечник, несу в руке, как баба корзину с ягодой, а не как воин – на сгибе локтя. Вешаю через плечо зрячную трубу и пристегиваю новый кинжал. Вчера поздним вечером я тренировался с ним часа два и приспособился наносить удары, не используя поворот запястья. Брать меч – только лишняя тяжесть. Теперь самое сложное – спуститься по лестнице во двор. К счастью, никто не видит, как я прыгаю со ступени на ступень подстреленным зайцем и шепчу ругательства. Боль ненадолго утихла, поддавшись мягким уговорам мятного чая, но теперь возвращается и впивается в ногу.

* * *

Во дворе всё именно так, как я представлял: четыре телеги с ранеными и рядом с ними матушка, в белом, но уже измаранном красными пятнами платье. Она касается пальцами каждого, прежде чем его занесут в госпиталь, определяя так, насколько сильно покалечен несчастный. Ризора не вид-

но – добрый мой гений Марта увела его на кухню накормить и напоить холодным чаем.

– Кенрик! – Матушка улыбается мне, кладет руку на плечо. Так она оценивает и меня – ибо я изранен уже до конца дней, несчастный калека, и она это знает. – Ты опять порезался. Почему не зовешь Чер-Кая? Он побрил бы тебя и быстрее, и лучше.

Я не отвечаю – ее вопрос не требует ответа. Она же достает из своего ларца смоченную лечебным настоем салфетку и, шепча заклинания, проводит ею по порезам на лице, заодно стирая кровь. Следов после этого не остается. Я знаю, что нелепо расходуя ее силы, которые так нужны, чтобы лечить, но не могу отказать себе в этом удовольствии – я младший сын, матушкин баловень. Хотя Лиам, конечно, самый любимый. Но кто не любил Лиам?

– Пообедаешь со мной?

– Конечно. – Я целую ее в щеку. – Береги себя, – говорю нарочито громко.

– Зачем? – слышу в ответ.

И почти не хромя, приняв независимый вид для тех, кто в этот миг смотрит на меня, направляюсь к подъемнику, еще одному творению Механического Мастера. Меня поднимают вверх вместе с мешками извести и сложенными в штабель прямоугольными камнями. Мастерские наверху (в основном старики да калеки) надстраивают стены. Штурм – это вопрос времени, и работа в замке не утихает ни на миг от

рассвета и до заката.

Моя задача не так проста – мне придется обойти по периметру всю стену и проверить камни на наличие вредоносной магии. На это я по-прежнему годен. Первым делом смотрю на город и порт – появились ли новые корабли в бухте? Нет, всё те же знакомые очертания стоящих на якорях парусников. Никто не прорвался сквозь магическую блокаду этой ночью. Прежде я смог бы провести два корабля за ночь из порта и в порт. А теперь уже целую неделю ни одного нового суденышка. Богачи платят магикам за то, чтобы увели их суда из Ниена. Но обратно они не возвращаются.

Я подхожу к зубцу. Достаю из футляра зрячную трубу (Механический Мастер подарил ее мне на девятый день рождения). Теперь я вижу Гадючий перевал – ряд невысоких острых скал, меж которыми прорублена дорога. Сейчас часть каменных столбов повалена Игеровым магом Брином, проход расширен – это случилось в тот день, когда меня ранили. Перевожу взгляд на наш лагерь, окруженный валами и частоколом. Я даже различаю королевский стяг. Наверняка это палатка с каким-нибудь ненужным барахлом – чтобы вражеские магики напрягались, пуляя во флагшток заряды порчи и всякой иной дряни. Смотрю дальше. Ведьмин гребень отделяет наш лагерь от Южной долины, где стоит Игерова армия. Над лагерем дымы – солдаты готовят себе обед, днем по жаре они отдыхают. А на штурм пойдут ближе к вечеру, запалив синие огни магических факелов. За ла-

герем пылит дорога: подвозят припасы, оружие, маршируют отряды новобранцев, которых наскребли с ближайших деревушек из владений Игера. Детали разобрать не могу. Только пыль, а что она скрывает? Я задерживаю дыхание, считаю про себя, а когда дохожу до семидесяти и начинает казаться, что легкие вот-вот разорвутся, ощущаю, что включилось магическое зрение. Со стороны зачастую никто не заметит, что зрение изменилось, нет тому примет – ни расширенных зрачков во всю радужку, ни залитых кровью белков глаз, как любят рассказывать в кабаках и на вечеринках. Зачастую выступает румянец на щеках, да еще сильный жар, сердце бьется так, что, кажется, вот-вот пробьет грудную клетку. Теперь отчетливо вижу: идет подкрепление – тела светятся красными пятнами под покровом серо-желтой пыли. Немного, человек сто пятьдесят. Но и наши силы на исходе. Надо будет отправить гонца к отцу, предупредить. Несколько раз глубоко вдыхаю, и магическое зрение засыпает.

* * *

Я медленно обхожу стену. Ищу следы магического воздействия – пока все чисто. Здесь, наверху, веет слабый ветерок, и жары почти не чувствуется.

Обычный день на исходе лета. Облака густеют, наливаются дождевой влагой, бегут на восток в сторону Элизеры и далее – на Гарму. Думаю, жара в замке и на городских улицах

– вовсе не природная аномалия. Это истая магия, заложенная когда-то в фундаменты под башни и стены основателями города и строителями-лурсами. Сейчас ее выжигают наш страх, наша боль, ожидание неминуемой смерти. Магия плавится и нагревает камни.

Ниен похож на большую птицу, распластавшую крылья вокруг синего залива. Город тем и богат, что ведет торговлю морем. Но сейчас в порт новые корабли почти не заходят – сразу за Птичьим мысом день и ночь бушует черная буря, насланная Игеровыми магами. В первые дни сражения на перевале два десятка магов из Дома Хранителей бежали на торговом корабле и бросили город. Остался лишь сам Великий Хранитель да с ним с десятков ни на что не годных мальчишек, отданных не более года назад в учение. Сейчас лишь отдельные смельчаки умудряются прорваться сквозь ядовитое нутро бури и вернуться с товарами. И цена привезенным товарам – золото из нашей оскудевшей казны. Так что обходится Ниен своим, что вокруг можем собрать – зерно, скот, металл. Крылья птицы – Черные ряды, что теснятся вплотную к берегу на запад и на восток. Туловище – Верхний город на широком плато, с Ратушной площадью в центре, с базаром, Домом Хранителей, дворцами знати и богатыми домами банкиров, улицами торговцев, театром и двумя библиотеками, где хранятся сочинения наших мудрецов и уцелевшие свитки Домирья. Голова птицы – королевский замок. А клюв ее – предместье с двумя старыми барбака-

нами. У замка четверо ворот – как у классического военного лагеря, что ставили еще легионы Домирья. Главные обращены на большой тракт – по этой дороге раньше следовали купеческие караваны, дабы переправить по морю товары из Игеровой страны и из Задаля, где вместо земли красный и серый песок, а жизнь расцветает только в оазисах вокруг колодцев. Теперь с юга тянутся только повозки с ранеными, а назад – с припасами, оружием и скудным пополнением из юнцов и стариков, кто еще может держать оружие. Я велел навалить рядом с воротами бревен и камней, чтобы укрепить их на крайний случай – если Игер прорвется через перевал и мы потеряем предместье.

Боковые ворота – для получения припасов. Сейчас западные заперты наглухо и завалены всяческим хламом, по большей части негорючим. На западе все вассалы отца отпали от королевской власти. Сидят в своих гнездах, выжидают, чем закончится война. Вернее, ждут, когда Ниен падет, чтобы явиться и холопствовать перед Игером, вымаливая право сохранить свои маноры. С востока еще приезжают крестьяне и вербовщики – там верные нам немногочисленные знаменосцы надеются на чудо и силу магов. Ну а северные ворота – это дверь из замка в город. Их редко открывают и чаще пользуются малой калиткой, что имеется сбоку.

Я смотрю на восток и пытаюсь в дальней дымке меж изумрудными холмами разглядеть ослепительно-белый шпиль Элизеры. Мне кажется, я вижу замок вдаль. Или это облака

зависли над кромкой леса?

Элизера мне снится через ночь. Элизера – это детство и почти счастье. Я, Эдуард, Лиам и малышка Тана. И еще златовласая Лара, в которую я безнадежно влюблен. Темноглазая, гибкая. Умная и дерзкая. Она дерется со мной и Лиамом на деревянных мечях. И еще насмешничает над нами всеми. Я вижу, как она улыбается Лиаму, и сердце мое ноет от безнадежной влюбленности. Лара – идеальная, и нет никого на свете, кто бы смог ее заслонить. Близ Элизеры лежит манор ее отца. Я пишу ей письма, она отвечает, но гонцы все реже и реже приезжают в замок.

Глава 3. Наследники Ниена

Создавать миракли прежде было главным моим умением. До убийства моего Дара. Миракли любят питаться книгами. Первый, помнится, родился из книги вовсе дрянной и даже почти глупой. Но, видимо, сочинитель вложил в нее нечто такое – каплю крови, часть души? – и потому из многословного косноязычного текста вдруг вылупился, отделившись от страницы, первый сотворенный мною миракль. Нелепое кривобокое существо с голубоватым студенистым лицом, на котором жили только глаза – огромные, черные, налитые болью.

Побродив по комнате, проходя сквозь шкафы и путаясь в тяжелых портьерах и время от времени погружая руки в зеркало, фантом развеялся, оставив после себя запах печенья, горящего воска, и еще – жареной рыбы, что просочился в мою комнату в тот вечерний час с кухни и был впитан моим творением. Для мираклей потребна буйная фантазия, и вскоре я легко овладел способностью создавать миракли уже без помощи чужих придумок, пользуясь только воображением.

С тех пор у меня, мальчишки, появилась новая забава – пугать детей и прислугу внезапно возникающими мираклями. Мои чудики, один страшней другого, подкарауливали служанок в темноте коридора, высывались из таза с во-

дой в комнате младшей сестренки, строили рожи Лиаму, когда тот корпел над доской с арифметическими задачами (которые, к слову, так легко давались мне самому). Голубыми святащимися фантомами миракли бродили ночью меж могил, если из ребятни кто-то на спор отправлялся на кладбище ночью, прихватив с собой фонарь и заговорённый плащ.

Перед отрядом Игеровой разведки они возникали парочкой грудастых девиц с подоткнутыми юбками и корзинами только что постиранного белья и уводили за собой – как раз под стены караульной башни. Еще я обожал создавать кентавров – полулюдей-полузверей. И по улицам Ниена разгуливали то медведь с человечесьей головой, то здоровяк с кудлатой и рогатой бычьей башкой.

Иногда мои шутки выходили злыми. То неверной жене в дом являлся миракль ее голого любовника, когда вся семья садилась за стол. То воришке мерещился призрак старика, у которого он стянул кошелек, – рассказы на кухне снабжали меня более точными сведениями о жизни в Ниене, нежели донесения королевской стражи своему капитану. Но чаще, развлекаясь, я преследовал людей и вовсе без причины. Однажды прислал миракль медведя на пирушку, и перепуганный народ в панике кинулся к дверям, падая и топча друг друга в давке. Как-то во время праздника зажег огонь на коврах и тканях, что развешали на балконах. Гости кинулись заливать пламя водой, огонь сбить не получалось, зато получался холодный душ для нарядно разодетых гуляк.

Всех своих проделок я и припомнить уже не могу.

Каждую ночь, прежде чем заснуть, я погружался в удивительный мир героев, шутов, сражений. Мир, где все было мне подвластно. Миракли наполняли комнату, говорили слова, которые я для них придумывал, пели баллады, которые я сочинял.

В детстве я был счастлив. Третий сын в семье, младше меня была только принцесса Тана. Мне многое позволялось. Как и другим. Отец нас баловал и разрешал почти все, что, по его представлениям, не было злом. Мы могли кричать, бегать, играть в садах, скакать по дорогам. Запретно было издеваться над животными и над людьми, за это наказывали и даже секли. Розыгрыши, шутки, спектакли, – чего только не было в том счастливом мире. Матушка не выносила этого баловства, требовала строгости и чистоты. Но она почти все время с утра до вечера была занята своими лечебницами и потому появлялась пред нами на минуту-другую, чтобы тут же удалиться в свою комнату. А все тепло, которое нужно детям, дарила нам Марта.

Лиам был старше меня на год, но мы с ним были как близнецы – он всегда восхищался мною, моим Даром, и с охотой принимал в играх роль помощника и оруженосца, а порой и защитника. Он гордился моим волшебством как своим. Никогда, ни единого мига Лиам не завидовал мне, и любовь его была столь искренней и преданной, что не было в ней ни грана фальши. В Лиаме вообще не было фальши, он не умел

лгать и никогда даже не пытался. Если он чего-то не хотел говорить, то просто отвечал: «Не скажу». И никакими угрозами нельзя было его переломить. Отец, зная эту его черту, никогда не настаивал.

С Эдуардом у меня разница в годах была в целых восемь лет. Первый наследник королевства, он с молодых ногтей изображал справедливого правителя. Магического дара он был лишен начисто, как и положено чистому наследнику, и потому уже заранее знал, что Кенрик Магик станет со временем его правой рукой.

Если честно, я завидовал Эдуарду. Не потому, что он наследник, а потому – что старший. Он знал то, что нам с Лиамом было еще не ведомо, он был сильнее и умнее нас. И еще Эдуард был самым добрым человеком на свете. Он вообще не знал, что такое зависть или злоба, как можно кого-то ненавидеть или желать ему смерти. Он обожал всех одаривать, у него была просто какая-то страсть делать подарки.

«Боюсь, когда Эдуард станет королем, он растратит казну в три дня, транжиря золотые направо и налево», – смеялся отец.

«Я ему не позволю», – отвечал я.

«Да? – недоверчиво приподнимал брови отец. – А кто купил для Таны крошку щенка за три золотых?»

«Так это же Тана!»

«И что?»

«Ты же знаешь! Если... если ей отказываешь, она вся та-

кая – одно недоумение. Пожимает плечами и смотрит на тебя так, будто ты осел и придурок и не смог сложить два плюс два...»

Не знаю, как она это делала, но, получив отказ, Тана никогда не настаивала. А ты чувствовал себя перед нею виноватым.

* * *

Наделен малыш магическим даром или нет, узнают на девятый день после рождения. Собирается семья, большой стол накрывают отбеленным шерстяным покрывалом. Вокруг на поставцах ставят девять свечей белого воска. Мать или бабушка новорожденного выносит его в комнату и кладет на стол. Сверху накрывают тонкий покров из виссона. Приносят песочные часы, непременно в золотой оправе, рассчитанные на пять минут времени, и ставят на видное место. Затем к столу подходит магик и накрывает поверх виссона магический покров – похожий на редкую ткань синий миракль, мерцающий холодными болотными огнями. Под покрывалом трудно дышать, ребенок начинает кричать от ужаса, и если есть у него Дар, достаточно сильный, чтобы в будущем сделать его магиком, то малыш разрывает магический покров к пятой минуте. Матушка рассказывала, что я разорвал покров через две.

Даже в Ниене сильные магики – большая редкость. На-

следник – это просто кровь, в нашей семье десятки кузенов, любому из них можно доверить корону. А вот магическую защиту поставить могут три или четыре магика. А нанести магический удар умели только Великий Хранитель и Джерад. Да еще я. Теперь уже не могу. Когда-то я носил знак магика – три concentric circles, в центре – закрытый глаз, хотя обладал силой седьмого круга.

* * *

Магию мне открыл лично Крон. Я только-только пробовал силы – зажигал магические огни, создавал миракли-игрушки, заставлял ветер волновать воду в озере и насылал тучу брызг на Эдуарда, когда тот катался в лодке с конопатой дочерью лодочника.

– Ты неправильно распределяешь энергию, – сказал мне Крон, понаблюдав за моими потугами и усмехнувшись в бороду. – Любая магия – это энергия, – продолжил он тихим ровным голосом, почти шепотом, и погладил меня по волосам. – Ты берешь ее из себя, как и многие хранители и магики. Это обычная ошибка. Энергия течет вокруг тебя. Она в солнечных лучах, в скачущей через пороги речной воде, в горящем огне, она – в дующем ветре. Научись ее чувствовать и впитывать. Иначе истощишь себя и сгоришь. Завтра рано на рассвете приди на озеро и попробуй, каково это – чувствовать магию.

Наутро, еще и не рассвело, а только чуть-чуть забрезжило, я выбрался тайком из замка и помчался на реку проверять сказанные Кроном слова. Журчливая речка впадала в озеро, сбегая с изумрудных холмов, вода здесь была всегда холоднее, чем в озере. Здесь никто не купался и не полоскал белье. За темной листвой светлая вода прыгала с камня на камень. Я уселся на берегу, снял сапожки и опустил ноги в воду. Тут же стопы заledenели. Я погрузил пальцы в бегущую воду. Сияющие песчинки, огоньки, столь крошечные, что только самый острый глаз их различит, кружили в воде и не давались мне в руки. Я чувствовал – они здесь, рядом, но поймать их был не в силах, как юрких рыбок.

Руки и ноги мои совсем онемели, я выбрался на берег и лег на траву. Солнце поднималось все выше. Я лежал, грелся, шурился от удовольствия. Поднес пальцы к глазам. Они медленно оттаивали. Мне казалось, что солнечные лучи проходят сквозь меня и растворяются во мне, где-то в области позвоночника. И вдруг я почувствовал укол, будто иголочка едва приметно коснулась кожи. Потом еще одна, а потом вдруг ударил горячий дождь. Я задохнулся, открывая рот, будто рыба на разделочной доске у нашей Марты, но вдохнуть не мог. А жар лился и лился. И когда это сделалось невыносимо, до боли, я закричал дико, по-звериному, и рванулся, будто из чьих-то цепких пальцев. И тогда ощущение потока пропало, я вскочил, будто земля сама меня оттолкнула.

Дышал и не мог надышаться. Получилось! Я могу, могу!

* * *

Наша жизнь была расписана с первого часа рождения. Эдуард становился наследником Ниена, Лиам должен был получить в свое время наследство нашей матери – Элизеру и стать хранителем казны Ниена. Мне предназначалось место Магика при молодом короле, а со временем – титул Великого Хранителя, который я должен был принять и заняться обучением молодняка магической науке.

Но Судьба смешала все наши планы. Судьба, которая сильнее любого человека, любой магии и даже богов Домирья.

Глава 4. Элизера. Часть 1

Элизера и сейчас стоит – белое ажурное гнездовье, будто созданное не для людей, а для элизийских птиц, одетых в тончайшие перья. На берегу озера замок любит свое тонкоколонное отражение, вокруг – зеленые гряды валов, поросших кустарником и низким лесом, – следы старых фортификационных сооружений. Это место наслаждения, отдохновения, рыцарских забав, состязаний поэтов и менестрелей. Матушка обожала его, сразу после постройки радовалась каждой поездке туда. Мы, дети, ждали Элизерова лета как самой лучшей награды. Здесь нас каждый торопился задобрить, горы сладостей лежали на столе, и никто не требовал, чтобы мы не ели перед обедом яблоки в меду. Марципан или привезенные из-за моря ярко-оранжевые фигурки, сладкие и горьковатые одновременно, едко покусывающие язык имбирными добавками, подавали на десерт вместе со сливочным мороженым. Днем мы часами плескались в большой купальне, а старшие, Эдуард и Джерад, переплывали бутылочное горлышко озера наперегонки. Вечерами на берегу накрывали столы, ставили помост для акробатов и фокусников, что приезжали в Элизеру каждое лето. По стеклянной глади Элизерского озера скользили лодки, увешанные разноцветными фонариками. Огонь в этих фонариках был магический, он тлел внутри стеклянных сосудов до

самого утра. К концу лета со всех пределов в Элизеру съезжались менестрели, и главный приз состязания – золотого соловья – отец вручал самолично.

* * *

На берегу озера устроен был небольшой театр: сиденья из цельных потемневших бревен, сцена из чистейшего песка, а вместо задника – сам замок Элизера, беломраморное чудо, устремленное к небесам, слепяще-снежное в полдень, розово-охристое на закате. Здесь, расхаживая в короткой юношеской мантии с алым кантом, Эдуард оттачивал свои речи для Большого Совета Ниена (отец уже доверял ему выступать по мелочам вместо себя), Лиам демонстрировал свое умение владеть мечом, а я устраивал спектакли. Мои миракли танцевали или бились на турнирах. А самым большим успехом пользовались фигляры на ходулях – они перешагивали через сиденья над головами зрителей, вызывая одобрительные крики и визг, а потом таяли в воздухе. Зрителей было десятка полтора: Лара с Таной, ребята из прислуги, несколько деревенских ребят побойчее. Марта непременно отправляла Френа приглядывать за нашим баловством – так она называла эти спектакли. А также снаряжала большую корзину со всякими вкусностями: крендельками, засахаренными яблоками, орехами и бутылку сидра. Чашек никто не брал, каждому я магичил собственный бокал. Кому по виду серебря-

ный, кому – хрустальный. Сосуд держался в руке лишь до того мига, пока не опустошался до дна. Иногда, правда, магический замок рушился раньше, и тогда несчастливца оказывало брызгами сидра из исчезнувшего бокала под хлопанье в ладоши, визг и крики восторга. Однажды только что наполненный бокал лопнул в пальцах у Лары. Недолго думая, она ухватила Лиаму за руку и плеснула в меня сидром из его бокала. Через десять минут мы все были облиты сладким и липким – сидр стекал с волос, воротников, щек и рук. Кто-то брызнул сидром во Френа. После чего тот разозлился и загнал нас всех в озеро прямо в одежде мыться. Только Тана избежала холодного вечернего купания – ее, как самую младшую, Френ отнес на руках на кухню отмываться теплой водой.

А еще хрустальные бокалы швыряли оземь, но они не бились, а исчезали, рассыпаясь сотнями искр.

В Элизере я не знал никаких запретов – мои миракли носились по замку, мешали слугам, на пиру танцевали и играли на флейтах, а по ночам бродили близ озера, если мне не спалось.

Это было мое девятое лето, счастливое, но уже предгрозовое. А тот спектакль, когда я решил обрушить на головы зрителей груды призрачных фигурок из марципана, засахаренных груш и маковых плюшек, вообще был последней моей забавой в нашем театре. Наконец, уставшие от бесполезных попыток схватить призрачных марципановых зайцев, юные

мастеровые и служанки уселись на бревна распивать настоящий сидр из воображаемых бокалов и есть свежие булочки Марты с хрустящей сладкой корочкой. И тут я увидел, как к нашему импровизированному театру подходит отец. Я знал, что он ездил в Гарму вместе с дядей Кроном, десять дней тому назад с помощью сокола-миракля я подслушал их разговор. Из сказанного я мало что понял, только то, что дядя опасался «хитреца Брина» (тогда я не ведал, кто это такой). А еще дядя повторил несколько раз: «Вот увидишь, Гарма нас предаст».

Про Гарму я кое-что знал. Это был торговый полис восточнее Элизеры и соперник Ниена в торговле. Его бухта была удобнее Ниена, но куда меньше размерами. Из Империи Игера в Гарму через перевал вела дорога Десяти Ослов – узкая неудобная тропа, которую год за годом потихоньку расширяли до настоящей дороги. Перевал Гармы лежал в горах намного выше нашего, почти каждую зиму он закрывался, его заметало снегом, из Империи к морю оставался только один путь – через Гадючий перевал в Ниен. Гарма была нашим соперником с тех дней, когда там обосновались беглецы из разрушенной крепости Домирья, а Ниен был маленьким торговым поселением с вождем, освоившим азы магии. В лихие годы войн и вражды Ниен натравливал на Гарму пиратов, и, числясь еще Вторым наследником, наш прапрадед Грегор водил Ниенский флот осаждать Гарму, но, кажется, не преуспел.

Отец был в дорожном – кожаные штаны, выдавшая виды куртка, – и только золотой венец нашего дома в волосах отличал его от затрапезного кондотьера, что рыщет по дорогам в поисках богатого сеньора и приличных наградных.

– Френ, – обратился отец к нашему внимательному ментору. – Отведи-ка ребятишек по домам. Спектакль завершился.

Френ вмиг догадался, что над сводами Элизеры сгущаются тучи, и окликнул ребятню, потрясая корзиной, в которой немало еще оставалось крендельков и марципана.

– Эдуард, Лиам, Кенрик – вам остаться! – приказал отец.

Никто из нас и не собирался убегать: определение ребятни к нам уже точно не подходило, несмотря на малые годы.

– Что случилось, отец? – У Эдуарда дрогнул голос, когда он задал этот вопрос.

– Гарма нас предала. Она заключила союз с Игером и открыла перевал для его армии.

Далее последовала долгая пауза. Отец уселся на бревенчатое сиденье, снял перевязь с мечом, упер локти в колени. Мы стояли перед ним, как будто ожидали вынесения приговора за неведомую нам вину. Мы – наследники Ниена, и среди них я – маг третьего уровня, способный создавать миракли.

После шумного спектакля сделалось необыкновенно тихо. Где-то в лесу без устали куковала кукушка. Я хотел загадать, сколько лет проживу, но не решился. В озере плескала рыба – начинался вечерний клев, от причала уходили

лодки с рыбаками, с этого берега они виделись игрушечной флотилией. Всё было как прежде, но на самом деле всё уже переменялось.

Я создал миракля нашего любимого Шалопая. Белый пес подошел к отцу и положил голову ему на колени, как всегда делал при жизни. Отец потрепал его загривок, перебрал пальцами завитки жесткой шерсти. Лицо болезненно пере-дернулось.

– Не надо, Кенрик, это не поможет.

Я распылил миракль.

И тогда отец заговорил:

– Король Гармы и его советники решили предать нас и продать, чтобы сохранить свои шкуры. Они посчитали, что Ниен даже в союзе с Гармой не устоит против Игера, и заранее выбрали сторону победителя.

– Против нашего дяди Крона любой магик – жалкий фигляр! – заявил Эдуард гордо.

– Игер перекупил их за грош с кукишем. Обещал им вы-делить своих боевых магов для охраны торговых кораблей от пиратов. Ты же знаешь, пираты для купцов Гармы – враг страшнее любой имперской армии. А взамен...

Отец сделал паузу и обвел нас по очереди взглядом. Я был уверен, что на меня он смотрел дольше остальных.

– Взамен... – повторил Эдуард.

– Взамен запрещается без диплома Дома Великого Хранителя Брина из Златограда заниматься магией. То есть бы-

товая магия пекарей, оружейников и лекарей разрешена. Ну и прочих с ними, кто кует, сеет, жнет, – все они толику магии могут прибавлять к своим делам. А вот высшая – только по разрешительной бумаге Златограда. Посол Игера в Гарме заявил, что без его соизволения никто в Ниене отныне не сможет магичить.

– И мы согласимся на это рабство? – изумился Лиам.

– Нет, конечно.

– Но почему Гарма уступила? Вместе с ними мы были сильны и...

– В Гарме испугались, что наши магики их подчинят. Они выбрали робкого короля-капитана в этот раз. Он больше рассчитывает на золото, нежели на сталь мечей и на силу магии.

– В Гарме выбирают короля? – удивился Лиам.

– Да, каждый год. Когда-то его называли капитан флота Гармы и всех ее пределов. А теперь он носит титул короля-капитана.

Все эти слова проходили как будто мимо меня, в мозгу билась только одна-единственная мысль и не давала ни о чем ином думать: они хотят запретить мне магичить! Она, будто бой барабана перед атакой, заглушала все остальные, она яростно стучала в висках вместе с биением крови. Ни о чем другом я не мог думать.

– Я нашлю на них тысячу мираклей. Сто тысяч! Я их всех замираклю. Наши магики сильнее любой силы!

– Вот именно! – горько усмехнулся отец. – Кто-то внушил

королю Гармы, что мы хотим подчинить остальных и возродить Империю Домирья.

– Кто-то! Да тут и гадать нечего! Это наверняка магик Игера Брин! – воскликнул Лиам. – Он весь насквозь лживый. И хитрый, и ревнует всех к своей силе.

Лиам по природе был эмпатом. Он мог бы стать магиком-эмпатом, если бы не запрещал себе проникать в сознание людей, ограничивая себя лишь поверхностным считыванием эмоций, но не мыслей.

– Отец, но, если, если... мы лишимся магии, Игер нас подчинит. Соберет новую армию и раздавит нас как букашек! – Эдуард стиснул в ярости кулаки. – А потом уничтожит Гарму.

– Соседи поверили в обещание Игера не нападать на наши города первым. – Лицо отца окаменело в горькой усмешке. Сделалось театральной маской, вроде тех, что находили в разрушенном театре Домирья.

– Он обманет!

– Разумеется.

И я вдруг понял, о чем таком хотел спросить отца:

– А как они запретят заниматься магией? Мне или Крону?

– Ошейник. А если не поможет – применят Персты Судьбы.

Ужас охватил меня. Ужас, с которым в тот миг я не совладал. Я превратился в маленького испуганного ребенка и разразился слезами. Стыд до сих пор окатывает меня волной

жара, когда я вспоминаю ту минуту слабости. Лиам шагнул ко мне, положил руки на плечи и проговорил, глядя мне в глаза:

– Никто не отберет твой Дар, пока я жив.

Иногда во сне я ощущаю тепло его рук на плечах, вижу его глаза – серые, с темным ободком, как у всех нас троих. Он что-то говорит, но я никогда не слышу, что именно.

Глава 5. Элизера. Часть 2

Двенадцать лет назад мы впервые столкнулись с попытками Игера захватить все земли до побережья. Отец мой с матушкой отлучились в столицу Игера – вести бесполезные переговоры без надежды обуздать словами притязания сильного и наглого соседа. Игер заявлял, что море – природная граница и он ее достигнет по праву своего величия. Отцу казалось, что торговый союз должен прийти по нраву разумному правителю: Вианово Королевство на западе, Торговая Республика Гарма на востоке и Королевство Магна на Северном острове выжидали, чем закончится наш торг. Но в том-то и дело, что Игер не был разумен. Он был одержим идеей великой Империи от Южного предела до моря и отметал все доводы, если они не подтверждали его жажду покорять. При себе он держал свору пропитанных бумажной пылью крючкотворов, и каждое его притязание эти пожелтевшие от времени старцы подтверждали сотней выпрених заумных цитат.

В Элизере мы остались с Мартой. Отец счел, что здесь нам будет безопаснее, чем в столице. Мы – это Тана, Эдуард, я и Лиам, которому тогда минуло десять лет. А еще с нами осталась Лара. Отец ее посчитал, что в Элизере девочке будет лучше всего в эту зиму. Лара именовалась королевской кузиной, но родство это было столь дальнее, в колене, ка-

жется, восьмом, что отец прочил Лару одному из нас в мужа. Скорее всего, Лиаму. Лара была с ним ровесницей, Эдуард был намного старше, к тому же отец планировал брачный союз наследника с кем-то более значимым, нежели дочь не слишком состоятельного вассала. Я же смотрел на Лару с нескрываемым обожанием. Но брак с магом — не лучшая партия для знатной девицы. Слабые магики растрачивали свой дар, превращаясь в злобных мизантропов, сильные — шалели от вседозволенности и нередко срывались в безумие всевластия, остановить которое могли только Персты Судьбы. Я в наивной детской уверенности воображал, что сумею избежать как первого пути, так и второго. Я был прав в своих прозрениях. Но ни в одном кошмаре я не мог вообразить тот путь, который был мне уготован.

* * *

Элизера считалась местом безопасным. Запасов — предостаточно, стража — верна, стены — пускай и не высоки, но донжон неприступен и сторожевые башни надежны.

Так что Чер-Ордис (отец хвастуна Чер-Риса), человек достойный и воин опытный, почти не встревожился, когда обнаружил под стенами осаждающую нас армию, тем более что она была не слишком велика, взять замок ей было не под силу даже с таким малым гарнизоном, как наш. Чер-Ордис отбил первый легкий приступ, не потеряв ни одного человека,

и больше атак не последовало. Эдуард, защищавший одну из башен, рассказывал взахлеб о своих подвигах. Мы с Лиамом слушали его рассказы, хотя сами были свидетелями событий – таскали снизу запасы стенных дротиков и даже сообщая спихнули вниз пару камней – они так и остались лежать на склоне, никому не причинив вреда. После чего Ордис прогнал нас со стены, нанеся Второму и Третьему наследникам смертную обиду. Отец наш король в шестнадцать лет командовал армией Ниена, а прапрадед Грегор в двенадцать лет сражался с восставшими знаменосцами западных маноров, так что быть на стене нам велели происхождение и долг.

Игеровы полководцы отступили и стали осаждать нас планомерно и методично.

А потом выяснилось, что припасов в Элизере практически нет и подвалы пусты. Ни зерна, ни муки, ни солонины – ничего. Пустота в леденящей глубине, откуда кто-то вывез почти все припасы. Мы нашли несколько лопнувших мешков с мукой да два десятка мешков с просом, уцелевших в одном из хранилищ. Это все, что нам оставили расхитители. В матушкиных покоях имелась своя кладовая – там Марта обнаружила сладости, сухари, мед. На кухне хранился трехдневный запас муки и ячменя, на конюшне – немного овса. Да еще в винном подвале – две бочки с вином (остальные откликались гулким эхом на удары костяшек пальцев).

Увидев такой разор, Ордис, комендант Элизеры, растерялся. До чина капитана он дослужился, удачно оборонив

восточный рубеж от мародеров, что хлынули в наши земли пять лет назад из-за границ Империи. Отец наш король доверял ему прежде всего из-за магической клятвы. Ордис – один из немногих, кто не смог бы его предать.

Тем же вечером комендант выбрал двух гонцов-добровольцев и поручил им пробраться в столицу. Но, как стало известно много позже, их изловил караул имперцев, и под пыткой несчастные показали, что в замке почти не осталось припасов. Это спасло нас от нового штурма, но обрекло на голод.

Я отправил в столицу пять или шесть мираклей с посланиями в виде охотничьих соколов – они мне лучше всего удавались, но в армии Игера имелся свой магик, и он распылил моих посланцев у нас на глазах, наслаждаясь своей силой и потешаясь над нашей беспомощностью.

Тогда комендант решил прорваться и уйти в столицу, но куда там – он потерял десяток убитыми, почти полсотни, то есть половина гарнизона, была ранена, никакого прорыва не случилось, и потрепанный наш отряд ушел назад в крепость, потеряв столь нужных нам людей. Я выезжал вместе с Ордисом и даже пытался магичить, но созданные мной миракли без труда распознавались Игеровыми стрелками, арбалетчики даже не тратили на них своих болтов. Создавать мираклей, способных сражаться, я тогда еще не умел.

Вскоре выяснилось, что под нашими стенами армия Игера окопалась надолго. Они грабили округу, и что ни день в шат-

ре командующего закатывались пиры. В зрячную трубу Механического Мастера можно было разглядеть бочки с вином и насаженных на вертела кабанов и бычков, что жарились на углях целиком. Мы же делили еду по крохам. Горячая вода с вином и медом и крошечный сухарик утром, днем – жидкая просяная каша, стакан молока (в замке держали трех коров) вечером – ломоть хлеба. Через неделю решено было резать лошадей и коров, все равно кормить их стало нечем. Оставили одну корову, для нее хватало пока сена. Мясная похлебка вернула многим силы. Мы были уверены теперь, что продержимся до зимы, а зимой отец, закончив свои бесполезные переговоры и собрав войско, вызволит нас из плена. В тот год зима наступила рано, еще и листья на деревьях не облетели, как грянули морозы. Ясно было, что перевал Гармы закрылся и пополнений осаждающим прислать не смогут. Но и нам помощь не приходила. Элизера казалась созданной из льда – прозрачной, неприступной и уже почти что мертвой. Мы выставляли кожу и кости убитых лошадей на крышах башен, стрелки садились в засаду – прилетавших на приманку птиц срезали стрелы – малая добавка к нашему скудному столу. Потом я догадался приманивать птиц мнимым зерном – теперь пернатые слетались стаяй, и их били наши стрелки, жидкая похлебка из убитых птиц называлась Кенриковым супчиком. Большую часть времени мы с Эдуардом проводили на кухне – здесь было тепло, здесь топилась печь, и Марта всегда что-нибудь нам давала поесть – сухарик, мят-

ный чай, ложку меда. От прежней ее румяной полноты не осталось и следа – щеки запали, на обнаженных по локоть руках кожа висела старыми тряпками. Одна лишь Тана сохранила румянец и округлость щек – каждый из трех братьев отдавал ей кроху от своего пайка: кто сухарик, кто мед, кто – крылышко погибшей птицы из жидкого супа. Мы с Лиамом пытались часть своей доли преподнести Ларе, но она всякий раз отвергала наши подношения, гневно сдвинув брови. Но и Тане от нее ничего не перепало. Разумеется, Тана искренне удивлялась такому равнодушию, вздыхала, качала головой, однако на нашу обожаемую Лару эти немые упреки не действовали.

Я магичил – создавал какой-нибудь запеченный проперченный окорок, с которого на блюдо стекал янтарный сок, и в этой густой лужице плавали ломтики обжаренного до черноты лука. Магический нож разрезал окорок на несколько частей. И мы ели, хватая мясо руками, обжигаясь горячим соком, ощущая на губах и во рту бесподобный нежный вкус свинины. Но не насыщались. Лучшие куски Лиам отдавал Ларе. Лара благодарила его улыбкой, его – не меня. Желудки наши урчали от голода, а все, что могла предложить на обед нам Марта, это жидкий супчик из любопытной птицы, в котором плавали половинка луковицы и несколько фасолин.

– Почему отец не спешит нам на помощь? – спрашивает Эдуард.

– Да потому, что думает, будто тут у нас припасов нава-

лом, — отзываюсь я, — что мы тут едим и едим. Так разъелись, что в кресла не помещаемся. Вот такие стали... такие... и всё едим, едим...

Руки мои делают пасы, будто живут сами по себе. И в такт словам катятся по столу миракли сдобных пирожков, пампушек, имбирных пряников — уже весь стол заполнен, сыплются на пол булки и крендельки...

Звонкий подзатыльник Эдуарда заставляет меня замереть, мнимые сладости исчезают, остается голый стол с пустыми чашками. Лара смеется. Марта возится у плиты. Качает головой:

— Бедовый ты, Кенрик, ох, бедовый.

В этот момент на кухню врываются четверо. Впереди заросший черной бородой бугай в кожаной испачканной кровью куртке. Я знаю его — он ходит стрелять птиц на караульную башню. Всегда отдельно от прочих. Тщательно ошипывает трупики и варит себе суп отдельно, ни с кем никогда не делится. Сейчас в руке у него обнаженный клинок — он направляет его на Марту и требует:

— Живо на стол все, что есть, всю жратву.

Остальные трое стоят у двери — не то что робеют, а как бы играют в тени — ждут, как все сложится, будет ли добыча или придется уносить ноги.

Марта растерянно разводит руками:

— Фир, да ты ополоумел, хлеб да сухари на всех делят поровну.

– Всё на стол, дура! А не то суп из тебя сварю! Ну же!

Лиам спешно отталкивает Лару и Тану в угол и пытается заслонить их собой, вместо боевого кинжала у него в руках сейчас обычный кухонный нож.

Эдуард выхватывает клинок и кидается на здоровяка. Звонит сталь, борьба неравная и краткая – Эдуард в тесной кухне слишком сблизился с противником, здоровяк бьет брата кулаком в челюсть, а затем широкий взмах клинка – и Эдуард летит в угол как котенок. Я вижу, как в воздухе вслед клинку проносятся алые капли, орошая стены и пол. Руки мои сами собой поднимаются, целя Фиру в глаза. Я будто нащупываю пальцами глазные яблоки и рву их на себя. Черные нити, похожие на сгустки свернувшейся крови, тянутся во все стороны, пляшут будто живые, рвутся к тем троим у двери. Но «гости» не ждут, когда я их достану, дают стрекача. А Фир падает на колени, хватается за кровавые ямины на лице. Воеет, рычит от боли. Марта визжит и бьет его чугунной сковородой по затылку, тот растягивается на полу, обездвиженный. Я сжимаю пальцы в кулаки, пытаюсь собрать в комок эти страшные черные нити. Но они продолжают плавать в воздухе, цепляясь за железное кольцо старого светильника под потолком, повисая на козырьке кухонного очага, на высоких резных спинках деревянных стульев. Другие черными сгустками все еще парят в воздухе, сворачиваются клубком наподобие змей, выискивают себе жертву. Постепенно они медленно никнут к полу, превращаясь в тонкие полоски, по-

хожие на грязные тряпицы.

– Кенрик! – зовет меня Марта.

Я оборачиваюсь.

Она стоит на коленях, держа голову Эдуарда руками, тот судорожно всхлипывает, открывает и закрывает рот, не в силах вздохнуть. Поперек его груди тянется кровавый след. Я вижу, как толчками течет кровь из раны, вижу, что брат мой не может дышать. И не могу сдвинуться с места, каменею.

– Лечебная магия! Скорее! Кенрик! Матушка тебя учила. Да что с тобой?! Помоги! Он умирает!

Учила, да, помню. Я делаю шаг в сторону Эда. Меня шатает. Я хватаюсь за спинку стула. Ну вот, я рядом. Хочу что-то сказать. Не могу. Будто кляп во рту, слова нейдут. Зубы клацают. Протягиваю ладони, чтобы накрыть ими рану. И вижу, как с пальцев струятся черные змейки, поводя хищными головками с беловато-зелеными, будто из гноя, глазами, выискивают жертву. Я стискиваю кулаки, пытаюсь задушить последки черной магии.

– Светлая магия, светлая, – причитает Марта, и слезы катятся по ее лицу, всегда румянному, а сейчас бледному, как пшеничное тесто в квашне.

– Не могу! – кричу я в ответ. Меня трясет все сильнее.

– Эд умирает, ну скорее, Кенрик, миленький...

– Не могу.

Я всхлипываю и мотаю головой.

Лиам хватается меня за плечо, вглядывается в глаза, как по-

том вглядывался десятки раз в моих снах.

– Кенрик, ты знаешь, что надо сделать.

Я смотрю на Марту. Потом на свои ладони, потом на Эда.

Вижу, как вокруг его тела растекается лужа крови. Еще минута, другая – и тело брата полностью обескровится. Но только протягиваю к нему руки, как змеи снова порскают во все стороны и едва не срываются с пальцев. Меня трясет все сильнее, я не могу перенастроиться. Злость и ярость бушуют в жилах, питают черную магию. Я поворачиваюсь и кидаюсь к распахнутой двери. Те трое никуда не ушли – жмутся в темноте коридора, выжидают. Боятся сунуться, но не уходят – запах еды, хлеба манит, пересиливая страх. Я леплю из черных ниток-змеек комки и швыряю в троицу не глядя. Кидаюсь назад, в кухню. Вопль в коридоре означает, что удар мой достиг цели. Но я знаю, что черные ядовитые клубки все еще таятся в моих пальцах. На смену прежним вылезут новые. Шагаю к очагу, прижимаю ладони к бокам чугуна, в котором выкипает вода для грядущего жалкого супчика. Корчусь от боли и вижу, как меж ладонями и стенками чугуна плывет черный чадный дым. Исчезают, извиваясь, тонкие змейки, я выжигаю их болью. Сползаю на пол. Ползу. Вою. Нахожу кинжал, оброненный кем-то. Тычу острием Эду под ребра.

– Что ты делаешь? – ахает Марта.

– Кровь из легкого за ребрами не дает ему дышать.

Из отверстия вытекает кровь, а я провожу над измаран-

ным кровью телом ладонями, медленно затягиваю рану. Брат дышит коротко, тяжело. Но дышит.

Матушка знает лечебные заклинания и магические эликсиры, составив которые, она может создать подмену крови и закачать ее с помощью лечебной магии в вены раненого. Я так еще не могу, но все же немало умею. Я хватаю шерстяную прихватку, снимаю с огня чугунок и растворяю в кипятке щепоть соли. Потом с помощью магии остужаю мгновенно воду до температуры тела. Прокол на сгибе локтя – и тонкая струйка соленой воды устремляется по капле в тело Эда. Это, конечно, не кровь, но мой раствор наполнил опустевшие вены и поможет его сердцу биться.

Обессиленный, я отползаю к стене, сижу мокрый как мышь, дышу коротко и часто. И вижу темные, полные ужаса глаза Лары.

Через три дня отец снимает с Элизеры осаду. Но за эти три дня весть о том, что Кенрик способен убивать с помощью черной магии, разносится по замку.

Матушка легко свела ожоги с моих ладоней – ведь в них не было ничего магического. Только с моих ладоней исчезли все линии, а с пальцев – все узоры. Кожа сделалась розовой и гладкой, будто я носил перчатки. И все же раны заживали долго. Уже тогда я стал подозревать, что мои руки – мое проклятие. Но в те дни я мог хотя бы ими управлять.

* * *

Месяц спустя король устроил дознание Ордису – я был на том допросе и видел, как комендант стоял на коленях, прижимая сжатый кулак к сердцу. Он не мог соврать и остаться в живых. Старый служака клялся, что заплатил сполна за припасы и не взял себе ни грошика. Но вот незадача – пшеницу, ячмень и овес он решил закупить в Гарме: ему предложили цены в два раза ниже, чем в Ниене. А это значит, что купцы не давали магической клятвы Ниену и могли одурачить Ордиса, несмотря на всю его преданность.

«Я сам видел, как спускали мешки в подвал», – повторял комендант раз за разом.

Слезы катились по его лицу, тело трясло крупной дрожью так, что руки ходили ходуном и сжатый кулак бил в грудь там, где сердце, будто сухая ветвь в закрытое окно.

* * *

Теперь Элизера стоит почти пустая – призрак прежней себя, скорее нарядный склеп, нежели замок, лишь несколько покалеченных стариков мечников несут там стражу.

Я побывал там незадолго до битвы на Изумрудной реке, когда стало ясно, что Игер снова готовится к походу на се-

вер. Проверил укрепления, припасы, привел две сотни солдат для охраны.

Но над одним вопросом я долго ломал голову: кто украл провизию из подвалов. Кто вывез мешки так ловко, что гарнизон ничего не заметил? И ответа на этот вопрос у меня нет до сих пор.

Глава 6. Великий Хранитель

Среди обычного люда, особенно в Черных рядах Ниена и дальних манорах, бытует легенда, будто черная магия повсеместно находится под запретом. На самом деле это обычное заблуждение. Любая магия запретна только для тех, кто не входит в Орден магов. А черную практикуют ничуть не реже, нежели светлую или белую. И бывают года, когда про белую магию вообще не вспоминают.

Есть магики, которые дают обет никогда не прибегать к черному искусству, но то и дело нарушают его. А есть те, кто без всяких обетов в эту область не погружаются – как моя матушка. Она и близко к этой грани не подходит. У магов-лекарей черная магия отнимает силы и не дает ничего взамен. Тот, кто спасает жизни, не должен увечить или убивать. Остальные же пересекают границу с легкостью. А многие только черной магией и пробавляются. Что нас тогда спасает от мрака и хаоса? Да все то же, что и в делах обыденных, – бесталанность многих и многих. Все, на что способна бо́льшая часть наших магов, – это навести слабенькую порчу, наслать болезнь, внушить какую-нибудь навязчивую мысль, влюбить прекрасную девушку в мерзавца. Но все это случается и без черной магии. А от подобного колдовства защитит один хороший амулет. Опасна только боевая магия. Вроде той, что я применил в Элизере. Но, кроме меня, ни-

кто подобным искусством в Ниене не владел, даже в Игеро-
вом войске не было столь сильного мага. Да еще всегда на
страже простого люда Перст Судьбы. С его помощью можно
сильного мага лишить его Дара – или хотя бы способности
применять свой Дар. В мирные дни Совет Хранителей су-
дит того, кто с помощью черной магии причинил увечье или
смерть. А в дни войны судья боевому магу только король.
Но в дни войны и без черной магии творятся черные дела.

В такие темные дни женщины и дети приходят в аптеки.
Не только помогать, но и для того, чтобы светлая аптечная
магия коснулась их своим крылом. Хотя на миг, хотя мимо-
ходом. Лиам в детстве часто ходил помогать маме. От-
правляясь в аптеку, он просил меня зажечь десятки маги-
ческих огней в маленьких самодельных фонариках. А потом
развешивал их на стенах и на спинках кроватей больных. Он
все время приговаривал: «Свет нужен. Нужен свет».

* * *

Если смотреть на Ниен с юго-западной башни замка, то на
западной границе плато можно увидеть мрачное черное зда-
ние. Высокое, почти без окон, с синей черепицей на крыше.
Это Дом Хранителей. Здесь обучают магов главным пре-
мудростям, и в том числе, как использовать Перст Судьбы.

Свой первый визит в этот дом я помню в мельчайших де-
талях. Хотя Хранителей уважают и боятся, вернее, боятся и

уважают, я бы не хотел провести свою жизнь в этом доме под синей черепицей. В далеком детстве я был уверен, что здесь располагается тюрьма. И после визита к Хранителям это ощущение только усилилось.

Я прибыл верхом, и Френ держал моего коня, пока я поднимался по ступеням. Уже стемнело, влажные камни крыльца отсвечивали чернильным блеском в свете высоко повешенного у входа магического фонаря. Дверь была приоткрыта, и в узкую щель просочилась блеклая полоса. Я одернул плащ, меховой воротник был слишком велик и тяжел, тянул плащ назад, заставляя золотую застежку врезаться в шею. Я шагнул внутрь.

Просторный вестибюль, холодный, темный, был застлан огромным ковром с едва различимым узором – синий, бордовый и черный цвета скорее угадывались. На единственном столике горела лампа. Ее свет, вместо того чтобы растекаться во все стороны, вытянулся длинным желтым языком в сторону мраморной лестницы с мелким маршем. Я снова поправил неудобный плащ, даже попытался просунуть пальцы под давящую на горло застежку и двинулся наверх. На стене вдоль лестницы висели узкие зеркала в золоченых рамах, но в них ничего не отражалось – только чернота. После первого марша лестница раздваивалась, дверь слева была наглухо закрыта, а на стене справа опять горела одна-единственная лампа, указывая путь. Я поднялся до следующей площадки, и здесь встретил меня Великий Хранитель, он же дя-

для Крон, мой первый и единственный учитель магии. Сейчас я с трудом его узнал – от него веяло холодом, равнодушием, властью, будто он облачился в ледяные латы. Этот холод и эта отстраненность меня ошарашили. Прежняя уверенность и даже надменность с меня мгновенно слетели. Я ощутил себя тем, кем и был на самом деле – слабым ребенком десяти лет от роду.

Крон провел меня анфиладой парадных комнат не задерживаясь. Мой взгляд скользил по таившимся в глубине серебряным сосудам, почерневшим от времени портретам, тяжелым портьерам. Это были артефакты Домирья, память о великом народе, растворившем свою кровь в жилах дерзких завоевателей. Совершенные медные статуи, вазы с лихо закрученными ручками и узкими вытянутыми, будто птичьи шеи, горлышками, картины, в совершенстве передающие красоту лиц и движения тел – ныне не умеют так писать на грунтованных досках и не знают таких красок.

Потом отворилась еще одна дверь, очень узкая, и мы оказались в подсобных скромных помещениях, потом миновали узкий коридор. Дверь налево вела в архив Великого Хранителя, но мы двинулись направо. В круглой зале с множеством дверей входящих встречала сама Судьба. Подняв к потолку правую руку, левой она касалась своего колеса. Если приглядеться, то можно было заметить, что колесо вращается, да так быстро, что не разглядеть мелькающих спиц. Бронзовую Судьбу нашли во время ремонта западной стены Ниена – я

помню, как ее извлекали из ямины, где она пролежала сотни лет. Только тогда у нее не было магического колеса. Домирье не знало магии, так же как и цивилизация лурсов. Магики пришли в наш мир много позже, говорят, они прибыли из-за Бурного моря на корабле из белого дерева без парусов, направляя ход дивного судна своей магической силой.

Половицы поскрипывали при каждом нашем шаге. Горевшие приглушенно лампы на миг вспыхнули ярче, когда массивные дубовые двери распахнулись в просторный мрачный зал. Темные дубовые панели, дубовый пол, массивные столы, щедро политые фиолетовыми чернилами, сероватым клеем, черной тушью. Стулья с неудобными спинками. Бронзовые лампы. Прошнурованные тетради на столах, прикованные цепями к массивным ножкам столов. Золотые светящиеся нити тянулись сверху от потолка к каждому из тех, кто склонялся над тетрадью и вписывал на разлинованные страницы новые строки. Хранитель на миг поднял голову и остановился. Я последовал его примеру, запрокинул голову и замер. Потолка как такового не было – его занимала причудливая паутина из светящихся золотых нитей. Каждая золотая нить от писца тянулась вверх и терялась в теплом свете наверху. Можно было различить, где они касались загадочной сети и вливались золотой жилой в сверкающее плетение, а потом уходили дальше, вглубь, и растворялись в общем сиянии, в золотом облаке. Но это был обман зрения: каждая нить находила свою жилу – одни близко к поверхности, другие – на

глубине. «На глубине прошлого», – пояснил я сам для себя.

– Кайл, освободи место, – сказал Хранитель.

Один из писцов отложил перо, с громким стуком захлопнул крышку бронзовой чернильницы – шапчонку дерзкого мальчугана на бронзовом бюсте, не торопясь вынул золотую нить из уха (вернее, вынул золотую иглу с капелькой своей крови), нить закрутилась спиралью, рванула вверх и исчезла под потолком. Парень вытер ладони о свой балахон, сделал приглашающий жест и, повернувшись, поклонился Хранителю.

– Великой Судьбы,¹ Хранитель, – произнес отчетливым шепотом, после чего двинулся по проходу, застланному ковровой дорожкой. Шел он, опустив голову, засунув кисти рук в рукава, а по плетеному поясу, что стягивал его темный балахон, проскальзывали синие магические огоньки.

– Зачем все это? – Я обвел рукой залу, похожую на большую комнату городской библиотеки. – Записывают прошлое?

– Это своего рода проверка, сможешь ли ты быть Хранителем и читать Судьбу. Большинство из этих мальчишек сочиняют нелепые враки: прошлое диктует им одно, но они записывают совсем другое. Весной, когда истечет первый год их обучения, мы сжигаем заполненные тетради, дабы не смущать нестойкие умы лживыми историями.

– Но кто знает, быть может, историю переврали с самого

---

¹ *Великой Судьбы* – пожелание, типа здравствуй.

начала, когда записали туда... – Я указал пальцем на золотую паутину.

Крон повернулся и положил мне правую руку на грудь. Вмиг сделалось трудно дышать, перед глазами поплыл багровый туман. Следуя движению его руки, со всех сторон рванулись к моему горлу золотые нити, они пробивали стены, рвались с потолка, натягивались, угрожая лопнуть.

– Не смей сомневаться в Изначальном! – произнес Хранитель отдельно, четко и холодно.

– Ошибки могут быть всюду, – прохрипел я упрямо, хотя мне явно не хватало воздуха. – И мы не всегда можем их найти.

Крон снял руку и отступил.

– Знаешь, зачем все это?

– Золотая нить привязывает одного человека к другому. Простого смертного к магику.

Про этот обряд я слышал давно. Такое называется «взять под свою длань». На всю жизнь человек становится преданным слугой того, к кому был привязан. Говорят, разрубить эту нить не может никто. Только смерть дает освобождение. Хотя я был уверен тогда, что смог бы избавиться от привязи.

– Это так. – Крон демонстративно сжал кулак, стягивая магию назад в свои ледяные пальцы. – Но ты можешь привязать человека к великой Судьбе из прошлого, соединив его нить жизни с нитью из прошлого. Надо только уметь выбрать.

– Я бы не хотел, чтобы меня к чему-то привязывали.

– Тебя и не привяжут. Ты – магик. Это не для тебя. Ты станешь выбирать в прошлом великие судьбы. Связав обычного человека с нитью прошлого, ты сможешь из посредственного капитана мечников сделать полководца-победителя, из заурядного поэта – кумира многих.

– А из ничтожества – неумолимого палача.

В этот раз Крон не стал меня одергивать. Тот холодный ужас, который обволакивал его в первые мгновения нашей встречи под крышей Дома, потихоньку стал уходить. Прежний Крон проглядывал под маской Великого Хранителя. Но я понимал, что снисхождения ко мне в этом холодном Доме не будет.

Тем временем людей за столами значительно поубавилось, золотые нити поднялись к потолку, лампы погасили, тетради закрыли. Можно было безошибочно угадать по столу характер ученика, который сидел тут недавно. Вот тот безалаберен, опрокинул чернильницу, а перо уронил, да так и оставил валяться под столом. А вот тот аккуратист, закрыл тетрадь, перья почистил и спрятал в футляр. Этот сделал пометки на отдельном листке, а тот не потрудился даже закрыть тетрадь. Хранитель, проходя мимо, захлопнул ее почти машинально.

– Ты строптив, – проговорил Хранитель не оборачиваясь. – Я не хочу, чтобы ты здесь был, но твой отец настаивает.

– Я тоже не хочу. Но я стану Магиком короля, и мне при-

дется учиться. Я принимаю эту ношу как любую ношу, связанную с моим происхождением и положением, — лишь в той мере, в какой она станет благом Ниену, Эдуарду и мне.

— Ты уверен, что у тебя есть право оговаривать условия?

— Полагаю, что да. Мой Дар дает мне такие права.

Хранитель ничего не ответил. Но мне показалось, что он одобрительно улыбнулся. Впервые за этот вечер.

* * *

Мое испытание началось на другой день с раннего утра. Служитель привел меня в уже знакомый мрачный зал и указал место за последним столом в ряду.

Стоило мне вставить иглу с нитью в ухо, как в мозгу зазвучал монотонный голос, он медленно зачитывал какие-то обрывки текстов. Поначалу все это казалось ужасающей белибердой. Голос был вроде один и тот же, но звучал по-разному, как будто один актер пытался играть разные роли, но не мог изменить интонации до конца. Поначалу я улавливал лишь отдельные слова и записывал их. Названия и имена повторялись время от времени, и чаще всего звучало имя Грегор. Голос рассказывал историю убийства короля Грегора на разные голоса. Одни захлебываясь твердили про коварство Грегора. Другие смутно намекали на подлость короля, моего прапрадеда. Третьи его превозносили. Все друг другу противоречили. А потом во мне вдруг открылся внутренний

слух. Я стал слышать только один голос, остальные исчезли или звучали так смутно, что превращались в шорох осенней листвы под ногами. И пахли так же горько. Я вдруг понял, что начинаю отличать придуманную ложь от подлинных событий. Иногда от чьего-то восторженного панегирика не оставалось ничего, кроме имен, иногда – сохранялась пара фраз, да и те лишались прилагательных в превосходной степени. Три-четыре дня тренировки – и я уже смог составить историю прапрадеда совсем иначе, нежели мы знали ее из рассказов придворных историков. Я записал все услышанное – сухими фразами отчета дворцового соглядатая.

Мэтр внимательно прочитал мои записи и сказал:

– Удивительно. Ты почти ничего не добавил от себя к услышанному. Как тебе это удалось?

– Я долго слушал разные версии.

– Ты слышишь разные голоса?

Я кивнул:

– Но потом часть из них умолкает и остаются избранные.

Тем вечером, когда я уже покинул Дом Хранителей, в мозгу всплыл странный вопрос: «Если Хранителям известна истинная история жизни Грегора, откуда тогда взялась ложная и почему она до сих пор бытует как среди черни, так и при дворе, в книгах и на подмостках бродячего театра?»

Но я так никогда и не произнес эти слова вслух.

Четыре года учебы напоминали монотонное движение веревки, намотанной на колодезный ворот, движение которой монотонно и в чем-то бесконечно. И, вытягивая ведро, никогда не знаешь, сколь многое удалось зачерпнуть со дна. Вращалось Колесо Судьбы – я познавал премудрости магии. Мне едва исполнилось двенадцать, когда я научился создавать мираклией, способных не только обманывать зрение, но и наносить удары, читать тексты и похищать из покоев нужные вещи.

Как-то Великий Хранитель сказал, что не знал ученика сильнее и восприимчивее меня, но моя строптивость разрушает мой Дар, потому что сильнее меня. Я услышал только первую часть его фразы, проигнорировав вторую. Подростки всегда самонадеянны, от похвалы я еще больше окрылился, упрек же посчитал своего рода комплиментом и не позволил себе понять сказанное Кроном.

А потом Крон показал, как вшивают в тело нить Судьбы, и меня едва не стошнило. Прошло еще два года, прежде чем я научился извлекать нить Судьбы и самостоятельно вшивать ее в тело.

Он был сильным магом, Великий Хранитель, но плохим учителем, полагавшим, что ученику не надо ничего объяснять заранее, что лишь по достижении нужного уровня ма-

стерства стоит посвящать непосредственно в сам смысл учения. Может, с кем-то и стоило идти таким путем, но мой ум не терпел недомолвок.

За свои ошибки я рассчитался сполна.

Глава 7. Эдуард, Первый наследник

Стояло лето, пора созревания хлебов. Мы поехали с Эдуардом на охоту. Мне исполнилось четырнадцать, и я воображал, что постиг все премудрости магии. Я уже не чувствовал себя ребенком – Первый наследник Эдуард, наш отец король Эддар, даже Великий Хранитель – все разговаривали со мной на равных. Во всяком случае, так мне казалось. Лишь матушка да Марта относились ко мне как к подростку. А Тана постоянно подлизывалась, чтобы заполучить очередного миракля в виде собачонки или ручной птицы – обычных собачек и птиц она не жаловала за своеволие. А еще она обожала миракли карликов шутов. Они были так совершенны, что могли не только слышать и видеть, но и рассказывать об увиденном. С их помощью она шпионила за подружками и служанками, чтобы потом шантажировать и держать их в руках. Мне ее страсть в столь юном возрасте управлять другими казалась забавной, а Лиам злился, когда она доводила подружек и фрейлин до слез, раскрывая перед всеми их мелкие и стыдные тайны. Эмпат Лиам чувствовал их обиды, унижение и боль, но его упреки лишь раззадоривали Тану и веселили. «Это же глупо – обижаться. Но если им нравится, то пусть обижаются. Это же так интересно», – смеялась она.

Я не любитель стрелять птиц или зверей ради развлечения, Эдуард – тоже, и в тот день мы никого не убили. Было

жарко, несмотря на то, что недавно прошли дожди, выцветшее небо подернулось сероватой дымкой, мы ехали шагом по дороге через поля, и Эдуард внезапно спросил:

– Ты считаешь меня слабаком, Кенрик?

Я удивился такому повороту разговора. Эдуард был старшим, Первым наследником. И что бы я о нем ни думал – он, разумеется, во всем должен был превосходить меня, хотя бы на людях.

– Глупый вопрос. – Я попытался ускользнуть от ответа.

– Тогда в Элизере я сумел лишь броситься с оружием на бугая, но не остановил его. И едва не умер. А ты нас всех спас.

– Мне повезло.

– Знаю, что я слишком слаб и снисходителен.

– Просто ты добр. Для короля не самое большое достоинство. Но его можно подправить – рассудительностью советников и жесткостью канцлера.

– Это Лиам-то жесткий?

– Лиам умен и справедлив, ему хватит твердости охранить казну от твоих чудачеств. Я создам армии мираклей, которые защитят наши границы. Ты будешь отличным королем, тебя прославят стихопевцы Гармы. Даже сладкоголосые льстецы из Флореллы будут в восторге от твоих чудачеств.

Брат в этот миг походил на бога счастья, каким его рисовали на старых фресках Домирья. Сероглазый, с золотыми кудрями, ореолом реющими вокруг головы, с мягкой, чуть

печальной улыбкой и каким-то странным светом в глазах – как будто каждого он хотел одарить сочувственным взглядом и отсыпать каждому в ладонь горсть золотых. Но он зачастую забывал, что кто-то должен в поте гнуть спину, чтобы золотые сыпались звеня в бронзовые сундуки нашей казны.

В детстве Эдуард никогда не доедал свой завтрак – непременно прятал несколько ванильных сухарей, кусочек сыра, а если подавали сладости на десерт – то и марципан. А потом выносил все это во двор и раздавал детям прислуги. Они в это время всегда старались появиться во дворе, зная, что в этот час непременно получают вкусняшки. Все это называлось «дары Эда». Он и меня пытался приучить к подобной щедрости. Но я морщился и отвечал, что могу только швырнуть кому-нибудь в глаз кусок сахара, а не положить его на ладонь. Если Эд меня сильно донимал, я отдавал ему свой марципан или орехи и бурчал: «Корми их сам, у тебя это лучше получится».

– На что ты намекаешь? – Эдуард рассмеялся.

– Во мне хватит жестокости на нас двоих. Так что оставайся, каким был – добрым слюнтяем королем. Тебя будут любить даже после смерти.

Эдуард покачал головой, закусил губу и пихнул меня в плечо. Я пихнул его в ответ.

– Так договорились?

– Я стану сильным, – сказал он внезапно. – Каким и положено быть королю. Я буду великим.

Но вместо радости в голосе его прорвалась обреченность. И еще – страх.

– Величие – это совершенно необязательно, – усмехнулся я, – оно не сделает твоих подданных счастливее. В Домирье говорили: «Чем больше достоинства в тебе, тем меньше величия нужно твоему императору».

Эд ничего не ответил, стегнул скакуна и умчался вперед, дав тем самым понять, что разговор окончен. Я не стал его преследовать.

* * *

На другой день с утра я собирался спросить Первого наследника, не пойдет ли он на обычные свои раздачи – теперь он после завтрака, накинув простое платье, уходил в город и в Черных рядах раздавал вкусняшки и мелочь детям. Я решил его сопровождать – предчувствие беды меня не оставляло, как ноющая зубная боль. Я не ведал, откуда придет опасность, но решил быть наготове. За завтраком я не обнаружил Эда за столом. Не было и матушки, и отца. Мы завтракали втроем с Лиамом и Таной. Даже Марту я видел мельком – когда принесли творожный пирог с кухни. Я спросил Тану, не видел ли кто-нибудь из ее мираклей-шутов, куда направил свои стопы Эдуард. Тана глянула на меня строгим взглядом взрослой дамы и заявила, что следить за Первым наследником – государственное преступление.

Беспокойство мое только усилилось. Я отправился в Дом Хранителей, но едва ступил на крыльцо, как мне навстречу выбежал запыхавшийся мальчишка, что прислуживал Кро-ну, и, вылупив глаза и задыхаясь, преувеличенно громко выпалил:

– Вам надобно вернуться домой, ваша милость. Сегодня ничего не будет.

Я отступил, потом шагнул на крыльцо снова, но почувствовал, будто невидимая рука сталкивает меня со ступеней. Даже не рука, а множество рук. Я рванулся, пытаюсь пробиться, но меня отшвырнули с такой силой, что я слетел с крыльца и грохнулся на мостовую, едва не угодив под копыта лошадей, влекущих карету. В последний миг я сумел перекатиться по камням мостовой и несколько мгновений сидел на противоположной стороне улицы, переводя дыхание и глядя на дверь Дома Хранителей. Мне чудилось, будто черная вуаль накинута поверх дубовой створки, она колеблется, и в складках ее таится абсолютная тьма.

Я вернулся в замок, встревоженный до чрезвычайности. Отыскал на кухне Марту и спросил, не видела ли она Эда. Та глянула на меня испуганными покрасневшими глазами и отрицательно покачала головой. Мне показалось, что она плакала.

Я ухожу к себе. Стою у окна. Жду, предчувствуя беду. И вижу, как во двор замка въезжает повозка. Не карета, а именно повозка для перевозки скарба, какие используют в Черных рядах. И на ней кто-то лежит, накрытый полотном. Лица не разобрать, потому что у изголовья устроено что-то вроде покрыва. Человека снимают с повозки – это Эдуард. Он в одной рубаше и штанах, без камзола, без башмаков, его ведут под руки двое. Голова его откинута назад, острый подбородок задран. Босые ноги не ступают, а волокутся по земле.

– Эд! – кричу я.

Кубарем скатываюсь по лестнице и оказываюсь на крыльце прежде, чем эти двое дотаскивают тело брата до дверей.

– Он ранен? – Теперь я вижу, что с одной стороны Эда поддерживает Джаред, а с другой – Френ.

Ступни брата скрючены судорогой, его бьет крупная дрожь, на рубаше темные пятна от проступившего пота.

Отец, примчавшийся следом верхом, соскакивает на землю, взлетает на крыльцо прежде скорбной троицы и отстраняет меня.

– Наверх, в спальню!

Эда несут, вернее, волокут. Он что-то мычит, голова его внезапно резко свешивается вперед, изо рта течет рвота.

Я замираю на первой ступени лестницы. Пораженный до-

гадкой, кидаюсь назад, во двор, сталкиваюсь с матушкой.

– Что случилось? Что? Дом Хранителей? Да?

Матушка кивает, губы ее прыгают, в глазах стоят слезы.

– «Я стану сильным, стану сильным», – передразниваю я последнюю услышанную от брата фразу. – Что ж вы с ним сделали? А?

– Это пройдет. Может быть...

Я кидаюсь назад, взбегаю на второй этаж, к спальням. Дверь в комнату Эдуарда распахнута, прислуга толпится в коридоре, кто-то плачет. Медикус о чем-то спорит с помощником, выбирая из ящичка черного дерева флаконы с настойками. Помощник роняет сразу три или четыре, слышится звон стекла, терпкий запах плывет по комнате. Я расталкиваю толпящихся у кровати брата людей. Эдуард лежит на спине, глядя в потолок и изредка мигая, рот его полуоткрыт, губы запеклись. Ладони, лежащие поверх одеяла, недвижны, правая рука слегка дрожит. Левая... На левой красное пятно, похожее на паука. Я знаю, что это: они вшили ему нить Судьбы, прокололи его руку и вживили золотой волос прошлого. Теперь он срастается с телом, меняя душу Эдуарда, корежит ее и кроит под прапрадеда или кого они там избрали для создания будущего короля.

Я хватаю его руку, ногтями впиваюсь в алого паука, тяну на себя. Нить еще не срослась с телом Эда, не разветвилась, не проросла во все жилы, не заструилась по его артериям и венам, не достигла сердца и мозга. С бешеным усилием я

вырываю ее. И вот я держу ее в руках – злобную золотую змейку, на теле которой махрятся сотни, тысячи отростков, а крошечная плоская голова, которая должна была проникнуть в мозг, бьет во все стороны раздвоенным жалом. Я бросаю ее на дубовый пол и одним движением рассекаю кинжалом. Та отметина на полу видна до сих пор. Никто уже никогда не прочтет подлинную историю прапрадеда Грегора, короля Ниена.

Растерзанная моими ударами, нить превращается в мелкий золотой песок. Назавтра служанка, посыпав пол опилками, выметет его из Эдуардовой спальни.

Я выпрямляюсь. Губы Эда дрожат. Я наклоняюсь к брату. – Спасибо! – слышу я отчетливо. Меж сомкнутых век проступает влага.

Внезапно дверь с грохотом отворяется. На пороге возникает Великий Хранитель. Не знаю, что он собирался сделать, но помешать мне он уже не сможет. Поздно. Он сам рассказал мне, как вырвать неверно вшитую в тело нить Судьбы.

В тот миг мне кажется, что я всесилен, в моей крови бушует магия, и унять этот шторм никто не в силах, я не знаю, что с ней делать и куда направить. Внезапно открывается магическое зрение, и я вижу, как в теле каждого бьется сердце: часто-часто в груди Эдуарда, редко, неровно – в груди старой фрейлины, застывшей у изголовья кровати. Я вижу золотые нити в теле каждого: они вибрируют и дрожат. Стоит мне повести лишь слегка левой рукой в сторону человека, как

нить начинает пульсировать сильнее, она как будто пытается покинуть тело, выскочить, кинуться мне под руку. Сделай я призывающий жест – и все эти нити пучком собрались бы в моей руке. Я поднимаю руку и направляю указательный палец в сторону Великого Хранителя. Он беспомощно открывает рот, хватается за горло двумя руками, пытаясь магическим жестом защитить свою суть. Я могу выдернуть нить из его тела, как только что сделал это с чужой нитью, вшитой в тело моего брата. Великий Хранитель медленно сползает на пол, и мне начинает казаться, что под темной мантией тело его начинает утрачивать форму и превращается в огромный куль, наполненный густой жидкостью. Убил бы я его? Превратил бы в послушного раба? Не знаю. Я ощущаю, как нити в телах вокруг вибрируют все сильнее. Сам я весь горю будто в лихорадке.

– Стой! – слышу я будто издалека голос Лиама. – Не смей!

Этот голос – без намека на магию, просто голос – оглушает меня, как удар клинка плашмя по голове. Связь с людьми вокруг мгновенно прерывается, видение нитей тает, в комнате делается нестерпимо душно от запаха пота, что смешался с запахом лекарств.

* * *

Я стиснул кулаки и ринулся вон из комнаты, ссыпался вниз по ступеням, выкатился во двор. Лошадь из конюшни

братъ не стал – моя магия, что рвалась наружу, мгновенно убила бы несчастное животное. Я вылетел сквозь южные ворота, мимо старых барбаканов, и устремился по дороге куда глаза глядят.

Никогда прежде и никогда потом я не бежал так быстро. Сердце мое бухало в ушах, правый бок разрывался от боли, но я бежал все быстрее и быстрее. Мне казалось, что ноги мои переставляет кто-то другой, не я сам – не сразу сообразил, что бежать мне помогала неизрасходованная магическая сила. Я обгонял ползущие из города крестьянские повозки, что возвращались после продажи овощей и молока в Ниене. Мулы шарахались от меня, люди замирали, я чувствовал, как на миг немеет сердце возницы, пропуская удар. Я видел, как под шкурой несчастной животины, что пыталась, поравнявшись со мной, вырваться из хомута и оглобель, будто проскакивало крошечное живое существо – это вибрировала, грозя разорвать шкуру, жизненная нить. Пар поднимался над крупами и головами животных, у человека пот струйками стекал от висков по скулам и щекам. Еще миг – и возница, и мулы могли рухнуть замертво.

Я ринулся вбок, через поля незрелой пшеницы, дальше от дороги, от животных, от людей. Я сбавил ход, проваливаясь в рыхлую землю пшеничного поля, но вскоре выбрался снова на дорогу. Узкий проселок в этот час пустовал. Солнце начинало садиться, тополя, растущие вдоль дороги, отбрасывали длинные черные тени в красную пыль. Я знал, куда

ведет путь – к плоскому и лысому холму, на который ранней весной крестьяне со всей округи приносили дары грядущему лету, древним богам пахоты и урожая еще со времен Домирья. И хотя боги ушли и закрыли за собой дверь, обычай этот остался. Я помчался вверх по склону, упал, пополз на четвереньках, встал, вновь побежал. Меня мотало из стороны в сторону, тело выдохлось, а магия лишь копилась и готова была разорвать меня на клочки. На вершине я выпрямился и глянул вперед. На юге, освещенный вкось западными красноватыми лучами, высился Зуб Дракона – скала у Гадючьего перевала, серая, огромная, обведенная алым в этот предзакатный час. Сам же перевал уже тонул в темноте, только отвесные склоны его алели в лучах заката.

Я не знал, что делать, магическая сила все нарастала и рвалась наружу. Плохо соображая, в полубреду, я стал лепить миракля, выплескивая в него излишки энергии. Внешне он мало походил на человека – огромный, в три или четыре человеческих роста, лишенный кожи, он напоминал расплавленный металл без формы, его красно-рыжее тело светилось, как тлеющие угли в камине. Он был удивительно уродлив: короткие кривые толстые ноги поддерживали огромное тело с широкой грудью и покатыми плечами, длинные руки доставали чуть ли не до земли, на толстой шее криво сидела лысая голова с вытарашченными широко расставленными глазами. Я закачивал в него свою энергию, и он все раздувался, и свет его становился все ярче – из красного пе-

реходил в желтый, а в глазах протаивал уже синий хищный огонь. Я ударил его, но от магического удара он лишь слегка пошатнулся, рассыпая искры, от которых занялась вокруг сухая трава. Еще удар – но монстр лишь еще больше вырос вверх и вширь.

Я отступил. За спиной моего чудища чернел, погружаясь в ночь, Зуб Дракона. Скала притягивала мой взор. Звала. Я поднял руки, в тот же миг меж мною и вершиной скалы пролегла невидимая дорога – две сверкающие синие нити магического соединения. И я ударил миракля снова, надеясь расшибить его об этот бездушный серый камень. Будто порыв ветра сорвал монстра с вершины холма и швырнул к цели. Моя сила закрутила его, будто мокрое белье в руках умелой прачки, и понесла на Коготь Дракона. Огромные ручки фантома вертелись в воздухе, огненные пальцы захватывали землю и камни, оставляя на зеленом покрове черные рытвины, как следы невидимых когтей. Наконец его ударило о камень, тело его смялось и растеклось огненным озером на половину неба. А потом пламя стало гаснуть, Коготь вбирал в себя моего миракля, будто дракон пожирал добычу. Наконец огонь погас вместе с последними искрами заката. Скала вздрогнула как живая, а затем не сразу, с задержкой, каковой бывает задержка грома от дальней молнии, пришел тяжелый нутряной рокот. Что-то внутри ломалось, скрежестало, сдвигалось, рушилось. На миг я увидел золотые нити, пробежавшие от вершины к изножью, – не нити жизни, а ни-

ти намеченных разломов. Потом дрожь камня унялась, и золотые дорожки погасли.

Жар мгновенно ушел из тела, мне сделалось так холодно, будто из теплого летнего вечера я угодил в середину зимы. Рубашка и камзол насквозь пропитались потом – хоть отжмай, я сбросил их, но теплее мне не стало. Меня стала бить крупная дрожь, я обхватил себя руками и опустился на колени. Нестерпимо хотелось лечь, но я знал, что этого делать нельзя. Если я лягу, то камень мгновенно высосет из меня остатки сил и я умру прямо здесь, на макушке скалы.

– Кенрик... – Голос Лиамы позвал меня откуда-то издалека, за мили, за сотни миль.

– Я устал... так устал...

– Кенрик! – Голос звучал уже ближе.

И вдруг теплые ладони Лиама легли мне на плечи.

– Кенрик! Тебя все ищут!

Он был уже рядом со мной, сбросил свою куртку, накинул мне на плечи, затем помог подняться и повел с холма, как ведут пьяного с попойки. Ноги мои подгибались, хотелось встать на четвереньки и ползти. Но Лиям не позволил мне упасть, довел до коня и посадил в седло. Он привел моего Красавчика с собой.

– Как ты меня нашел? – Я едва сумел выговорить эту фразу – так у меня стучали зубы.

– Магия оставляла след, песель учуял.

Только теперь я заметил Ружа – он сидел чуть поодаль, и,

приметив, что я обратил наконец на него внимание, кинулся ко мне с лаем. Но тут же отскочил, будто чего-то испугался.

– Поехали домой, – пробормотал я.

Глава 8. Тайный суд

Не помню, как мы вернулись в замок. Даже во время попойек на карнавале в Виановом королевстве у меня так не отшибало память. Наверное, Лиам привел меня в мою комнату, наверное, Марта сделала мне компресс на лоб. На рассвете я обнаружил, что лежу поперек кровати, уткнувшись головой в стену, а сверху укрыт двумя одеялами, пледом и пушистой накидкой Марты. Высохший компресс лежал под щекой, заскорузлый, с рыжими разводами, как если бы меня рвало желчью. Наверное, так и было. Марта принесла мне мятный чай, есть я ничего не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.